

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

16+

Эл Ригби

#СКАЗКИ ЧУЖОГО ДОМА

САМЫЕ НАШУМЕВШИЕ КНИГИ РУНЕТА

Annotation

Одна из них арестована. Другая отчаялась. Третья сбежала. Четвертый зол на весь свет, а пятый ищет ответы на опасные вопросы. Шестая затаилась в забытом городке. Там, где мир умертвил прошлое и где в память об этом вскоре вновь соберутся правители Син-Ан.

Немало прошло со дня, когда Зверь мчался туда по стальной тропе. Со страшной бойни, стоившей жизни многим в алой страже. С предательства, разлучившего одних близнецов и сделавшего сиротами других.

Какую сторону они примут? Какие тайны откроют? И какие забытые сказки оживут, когда переменится ветер?

© Э. Ригби, 2017

© Shutterstock, Inc., фотография на обложке, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

*Сумасшедшая, бешеная кровавая мать!
Что ты? Смерть? Иль исцеленье калекам?
Проведите, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека.*

(Сергей Есенин. «Пугачев»)

[пока заживают раны] Узник

683-й юнтán от создания Сйн-Ан. Время ветра Сна

Мальчик сидел, забившись в угол подоконника, и чувствовал себя брошенным. Впрочем, именно так и произошло. Сейчас это стало ясно как никогда.

Колено саднило: поднимаясь по лестнице, он споткнулся, прямо у всех на глазах. На него и так смотрели косо: среди курсантов, одетых в такие же черные мундирчики, так же аккуратно причесанных, таких же бледных и голубоглазых, он все равно казался кем-то вроде черной такары. От него еще пахло домом. Остальные пробыли в Корпусе намного дольше.

Домашний.

Это слово он всё время слышал, следуя за своим Сопровождающим офицером. Оно раздражало. Юный Мйаль Паолыно не сомневался, что через какое-то время затолкает его в глотки всем, кто смеялся, когда он упал, и всем, кто потом еще гоготал под дверью. Затолкает. Но не сейчас. Сейчас — вечер, белые холодные лепестки яблонь падают из темного Небесного сада. Время, когда детям трудно бороться с тяжелыми мыслями. Даже мальчикам. Особенно брошенным мальчикам.

Кóнор справился бы лучше.

Подумав об этом, он усмехнулся. Конор остался дома. Из него, более живого, общительного и хваткого, сделают преемника отца, чтобы управляться с почтовой службой. Родители распределили правильно. Один сын будет опорой, второй — щитом и мечом одновременно. К тому же Миалю всегда нравились военные, не потому ли «*ты так сдружился с этим веспйнским оборванцем, унеси его ветра*»? Он не сомневался: эта дружба послужила дополнительной причиной, чтобы услатить его подальше.

Прощаясь, Сопровождавший офицер — ками ло Дóптих — извиняющимся тоном

предупредил:

— У тебя чудной сосед. Неуживчивый. Если будет неважно, жалуйся коменданту.

Сейчас спальня пустовала. На уши давила тишина, голову кружил запах свежей краски — корпус отстроили недавно. Комнаты были небольшие, каждая всего на двоих. Никакого «хлева», как отзывался об условиях курсантской жизни отец.

Миаль не сомневался: появление соседа окончательно испортит день. Он даже почти ждал этого, чтобы перестать надеяться на что-то хорошее. Наконец распахнулась дверь. Набитая сумка, пролетев по воздуху, шлепнулась на свободную постель. Ее хозяин остановился на пороге. Миаль смотрел на него во все глаза. Он видел на почтовой станции немало полукровок. Но не таких.

710-й юнтан от создания Син-Ан. Время ветра Сбора. Несколько дней до такатанского Выпуска

Даже не шевелясь, он ощущал: тело все в синяках и ссадинах. Кажется, они были не свежими, не сегодняшними, и уже начинали подживать. Осознание этого заставило собраться и открыть глаза. Голова болела. Взгляд фокусировался с трудом. Светлая комната расплывалась.

— Где я?... — сдавленно спросил он в пустоту.

— Все так же живуч, — удовлетворенно произнес знакомый голос.

Грэгор Жераль прищурил синие, с узкими рептилоидными зрачками, глаза. Он сидел, закинув ногу на ногу, в кресле у изголовья кровати и едко улыбался.

— Здравствуй, Отшельник.

Даже двинуть рукой оказалось больно: цепи долго удерживали запястья на весу. Пожалуй, из всех ощущений это было самым неприятным.

— Ты...

Голос будто заржавел. Жераль приложил длиннопалую когтистую руку к груди:

— Я. Стало тоскливо, когда ты упал лицом прямо на мои саварры. При другом раскладе... — Ки качнул сапогом в воздухе, демонстрируя начищенный, покрытый узором острый нос. — Я заставил бы их облизывать. Но не тебя, конечно.

Он усмехнулся. Паолино усмехнулся в ответ, но ничего не сказал и повернул голову в сторону. Окно не было зарешечено, виднелись голубовато-золотые башни. Нетрудно было догадаться, что...

— Мы все еще в Аджавелле?

— Мы все еще в Аджавелле, — кивнул Жераль. — Галат-Дор тебе не грозит. А вообще... — Их взгляды снова встретились, губы ки дрогнули в улыбке, на этот раз теплой. — Я тебе рад.

— Зачем ты вытащил меня?

— Ты нужен, — бесхитростно откликнулся Жераль. — К тому же, если что, после отдыха вторая серия допросов будет воспринята тобой острее. Никому не надо, чтобы ты привыкал к боли, хотя... — Тень легла на лицо. — Я бы этого хотел.

Паолино знал, что значит «вторая серия». Он лишь насмешливо уточнил:

— Зачем?

— Потому что мы друзья? — Ки перекинул за плечо несколько тонких кос.

Для него сказать подобное в такой ситуации стало обычным. Паолино это понимал. В этом они всегда были похожи.

— Я не о том, — глядя в упор, произнес он. — Почему это снова началось? Что за паника? Я ведь вижу. Они *паникуют*. Ты... тоже?

Жераль потер переносицу кончиками пальцев. Глядя только на носы своих сапог, он заговорил:

— Обстоятельства поменялись, Миаль. И кое-что, на что мы надеялись, не осуществилось.

— Хочешь сказать, — Паолино не сдержал усмешки, — что ты в чем-то ошибся?

Узкие губы сжались в еще более тонкую линию. Пальцы постучали по отвороту левого рукава. Жераль явно думал, стоит ли признавать подобное. И, конечно же, отказался от этой мысли. Когда он заговорил, его голос звучал особенно холодно и жестко:

— Хочу сказать, что, возможно, Зверь на тропе. Ну же, Миаль. Что везли в *поезде*?

Снова это. И ради чего с него сняли цепи?

— Брат не говорил.

— Ты мог узнать от *кого-то другого*.

— Я не узнал. Поверишь ли, были совсем другие дела. Дети, знаешь...

— Как я от тебя устал.

— Знал бы ты, как устал я.

Бросив это, Паолино откинулся на подушку. Он догадывался: болтовня скоро кончится. Передышкой — пусть и такой — лучше насладиться. И, стараясь говорить ровно, он повторил то, что уже несколько раз повторял пятнадцать юнтанов назад.

— *Они* нашли нечто, что важно для Вёспы. И еще — у них есть некая сила, которая заставит их выслушать. Это всё, что я слышал. Конор не доверял мне. Мы были чужими, и больше я не сталкивался ни с кем из...

— Миаль! — Жесткая рука ки без особых церемоний схватила его за воротник. — Ты лгал мне несколько юнтанов подряд, и я это проглотил. Как думаешь, почему?

— Потому что мы друзья? — Паолино с кривой улыбкой поднял брови.

Пальцы разжались.

— Сгниешь, пока мы не узнаем больше, — глухо прошипел Жераль. Даже моргать он стал чаще, чем обычно, а кадык буквально заходил ходуном. — Неважно, как. Важен результат. Они, эти ле без отворотов, тебя добьют, несмотря ни на что. Я не хочу этого. И ты же понимаешь, Миаль... — тон неуловимо изменился, — даже когда всем хорошо, кому-то все равно плохо. Вопрос — только в пропорциях. А если бы *это* вскрылось, было бы плохо всем.

— Понимаю. А так — лишь тем, кому и тогда, — кивнул управитель, — они привыкли. Это как приспособливаться к боли. Правильно?

Он знал, как думает сам Жераль. Лицо скривилось, губы опять поджались:

— Не нужно лицемерия. У тебя не было причины, которая была у твоего брата. У меня тоже. Знаешь, иногда я задаюсь вопросом, почему...

— Мы люди. В нас есть что-то, из-за чего мы не приемлем несправедливость, если она допущена. А она допущена. И ты прекрасно...

— Заткнись. Эти люди не просто борются за правду. Они опасны.

— Я знаю.

Немигающий взгляд Жералья снова обратился к окну.

— Я был там. В их городах, поселениях. Они заслуживают лучшего. Да. Лучшего, чем ублюдки из Стенных районов. А этот их новый тóбин? Неплохой малый, с ним многое могло бы наладиться, если бы только... — он оборвал сам себя и махнул рукой, словно разрубил воздух. — Да плевать. Я вижу *кигноллу*, Миаль. А ты нет.

— Кигноллу?...

Это изобретение ки давно вошло в обиход по всей Син-Ан. Подвески, состоящие из деревянного каркаса и ряда или нескольких рядов стеклянных колокольчиков, заполненных водой. Их вешали над порогом. Стоило задеть любой колокольчик, — звенели все. А вот чтобы они замолчали, остановить нужно было какой-то один. Всегда — разный.

— Представим... — Жераль откинулся назад, — что мы обнаружили серьезное нарушение в большой... организации. Такое, что по-хорошему всех, вплоть до простых работяг, стоило бы вздернуть. Потому что они догадывались, что творят. Если не всех, то хотя бы... — язык быстро скользнул по губам, — главных.

— Таким образом, закон не будет нарушен. Что и входит в твои обязанности.

— А также я получу энное количество семей, у которых не будет возможности прокормиться, потому что их мужчины и женщины либо умрут, либо потеряют места со скверным клеймом. Сколькими мы пожертвуем ради закона? Сотней? Двумя?

Голос звучал монотонно, без эмоций. Жераль был расслаблен. Знал, что говорит.

— А насколько мала вероятность, что новые продолжат плевать на закон? Или что не удержат организацию на плаву? Нет... — Кованый нос сапога качнулся. — В конечном счете мы получим одно и то же. Разлаженную систему. Голодные семьи. Больные выводки. Бунты. А кто-то умрет... — Жераль смежил веки и поднял гладко выбритый подбородок, будто обращаясь к Зуллúру. — К примеру, какая-нибудь женщина. Допустим, она должна была выносить и родить того ребенка, который придумает, как сделать все то, что творится вокруг тебя и меня, лучше... — он помедлил, — так какой колокольчик придержим, Миаль? Чтобы остановить то, что начало звенеть, требуя помощи, и не заткнется, пока не сдохнет?

Паолино вздохнул. В вопросе не было ничего нового. Просто его собственная кигнолла давно уже состояла из всего пары колокольчиков. Ему многое казалось простым. Даже слишком.

— Справедливость должна быть справедливостью.

Жераль глухо рассмеялся:

— Да. Но представь, что вместо организации — Синедрион. Или Длань. А как жить с отрубленной рукой? Возможно, тебе придется проверить и это... — его глаза блеснули. — Желаеть?

— Если бы это входило в твои планы, — Паолино приподнял кисть и пошевелил пальцами, — руки у меня бы уже не было.

Жераль плавно поднялся, потянулся. Наблюдая за ним, Паолино поймал себя на том, что ждет удара. Но его не последовало.

— Ты спокоен, — опускаясь обратно, лениво изрек ки. — Потому, что не знаешь, что они с тобой сделают?

— Потому что знаю достаточно хорошо. Вот только...

— Что?

Впервые пришлось отвести взгляд:

— Мне жаль моих сирот. Они наверняка тревожатся. Если, конечно... — он снова посмотрел на Жералья, — они невредимы, хоть кто-то из них.

— Я не отдавал этого приказа, — произнес ки быстро и даже нервно, сцепляя пальцы в крепкий замок у груди.

Паолино лишь усмехнулся: «Конечно, не отдавал. Всё намного сложнее, но это тебя не касается».

— Это был особенный туман, Грэгор.

Об остальном можно было и умолчать, по крайней мере, сейчас. Отвлекая внимание, он спросил:

— А в тот раз? С *чужаками*? Они вписывались в твою систему. Их исчезновение...

— Я тут ни при чем, — отрезал Жераль. — Массовые убийства — совершенно не мое хобби. Предпочитаю лыжи.

Паолино кивнул. Жераль поднялся, пересел на край постели и понизил голос:

— Кое-что еще должно тебя волновать, Миаль. Я уверен: волнует. Тебя ищут.

— Кто же?

— Возможно, даже... Деллавйссо, — вкрадчиво прошептал ки. — Они живы.

В горле пересохло.

— Откуда ты знаешь?

— Зверь сопротивляется. Он в своем уме. Я видел его недавно, Миаль, он чист от дрэ. —

Подождав ответа и не получив его, Жераль продолжил: — Пойми. Что-то готовится. И никто из тех, кому дорога твоя шкура, не пострадает при одном из двух раскладов. Первый — ты будешь свободен и дашь о себе знать. Второй — ты окажешься мертв. Думаю, ты понимаешь, что предпочел бы я.

Даже сквозь одеяло и одежду он чувствовал идущий от ки холод. Снаружи они все были холодными, даже полукровки. Пламя пряталось внутри.

— У меня нет ответов, Грэгор. Все в прошлом.

— В твоих интересах, чтобы сейчас ты лгал.

683-й юнтан от создания Син-Ан. Время ветра Сна

Голубоглазых ки не существует, Паолино знал. Чистокровные желтоглазы, зеленоглазы, красноглазы. Сочетание, увиденное Миалем, было жутким и одновременно заволаживающим своей неестественностью.

Пока сосед стоял, привалившись к косяку, и осматривал комнату, он моргнул раз или два, не больше. Веки были тяжелыми. Горло периодически подергивалось, будто там что-то перекачивалось, — это казалось отвратительным. Но Паолино долго глядел на него не отрываясь и наконец первым произнес:

— Привет.

Сосед постоял еще некоторое время, потом бесшумно прикрыл дверь и направился вперед. Каждый шаг был мягким, быстрым, четким. Полукровка даже двигался как ящерица, и невольно Миаль присмотрелся.

— У таких, как я, нет хвостов.

Ки сказал это просто, без недовольства. Миаль все равно смутился:

— Извини.

Мальчик пропустил это мимо ушей. Подошел к окну, ловко забрался рядом.

— Нравится?

Паолино окинул взглядом здания. Младший корпус алопогонных не был корпусом в полном смысле. Он состоял из группы башен с переходами. Построенные в разное время и в немного разном стиле, квадратные и круглые, вытянутые и приземистые, башни роднило одно: все они были из обожженного красного камня. Крыши сверкали белым металлом.

— Здесь... здорово. — Голос Миалья прозвучал жалко.

Сосед склонил голову, жидкие черные волосы упали на лоб:

— Скулишь по родственничкам?

Спросил презрительно: ки ведь не заводят семей. Это отдаляет ящеров от всех остальных, делая их будто бы... недоразвитыми. Хотя во многом они превзошли своих собратьев, а не отстали.

— Не распускай нюни. — Его холодная когтистая рука вдруг легла на плечо Миалью. — По тебе видно, ты не из таких. Приживешься. Добро пожаловать.

Сосед не употребил слово «домашний» и улыбнулся. Правда, довольно криво, но по-другому он не улыбался почти никогда. Вскоре Миаль привык к такой улыбке. Со временем она стала почти единственной, на которую он мог рассчитывать.

...Он проводил в Такатане большую часть юнтана. На время каникул ему позволялось возвращаться в Галат-Дор. И если поначалу он с нетерпением ждал этого, а еще больше — перевода в Старший, столичный корпус, то потом перестал. Жизнь среди алых башен, изнурительные тренировки, непрерывная борьба за первенство — все постепенно делало его другим.

710-й юнтан от создания Син-Ан. Время ветра Сбора

— А знаешь, кто еще скоро объявится?

Взгляд ки словно резал. Или выжигал — прямо на лице. Паолино чуть приподнялся:

— Кто же?

— Сиш Тавенгабар. Вернулся. Его уши и часть морды так и остались седыми, а мозги набекрень. Забавное зрелище. Скоро я с ним повидаюсь: в Такатане намечается Выпуск. Давно не видел это вдохновляющее действо... и Лйра. Жаль, в этом году вы не поболтаете о книгах и стихах, как раньше.

У Паолино защемило в груди, но он промолчал. Услышанное показалось ему тревожным. Очень тревожным. Жераль хохотнул:

— Вообще заметил, сколько вокруг старых друзей? Может, и *сыщик* тебя навестит?

По спине побежали мурашки. Он достаточно хорошо помнил, где работает тот, о ком идет речь. Раньше Рóним часто переводился из отделения в отделение. Потом перестал. Обжился. Успокоился и...

— Он мертв, Грэгор.

— Вот как...

— Он мертв, — упрямо и жестко повторил Паолино.

Так же, как я мертв для него.

687-й юнтан от создания Син-Ан. Время ветра Сна

Для него Миаль стал одним из *этих*. Виновников. *Тюремщиков*. Саман пытался скрыть это, но получалось неважно. К тому же то ли красные корпуса, то ли что-то другое заставило заметить: Димитриён *серел*. Как его отец. Как те, с кем он собирался служить. А вот Грэгор оставался ярким. Курсанты еще не носили алого, но алый уже тогда стал цветом этого ки, которому не было необходимости доказывать свое лидерство. Он был первым почти всегда. Если, конечно, его не опережал Миаль, которого давно уже не звали домашним.

Двое — Грэгор и Саман — казались противоположностями. Миаль равнялся на обоих. Хотя и не мог понять, кого больше любил.

— Хватит рассказывать об этом отряде, Миаль. Хватит. Я уже понял. Пойдешь с ним одной дорогой.

Саман курил, глядя на копошившийся вокруг маленький городок — Центральный вокзал. Он был зол. Паолино это чувствовал, и его кулаки сжимались сами собой. Слишком многие, в том числе и его собственный брат, уже говорили ему подобное.

— Мне тоже нравится не все, что ты делаешь. Но я держу это при себе.

— Что, например? — вкрадчиво спросил Димитриен.

Поколебавшись и покосившись на кабину Великана, Миаль ответил:

— Деллависсо. Помяни мое слово, они вовлекут тебя во что-то скверное. — Он пристально взглянул другу в глаза. — Я уже чувствую, Конор втянут. Многие втянуты, — Паолино понизил голос. — Чем вы занимаетесь, о чем говорите, когда встречаетесь здесь без меня, Саман? Что вы задумали?

Поезд дал гудок, будто услышал вопрос. Впрочем, у Миалья совсем вылетело из головы: поезд *действительно* все понял. Двое еще раз посмотрели друг другу в глаза. Саман неожиданно примирительно улыбнулся:

— Мы припоминаем друг другу слишком много плохого. Не находишь? Почему так?

«*Потому что мы уже не дети*».

Но произносить этого не хотелось.

710-й юнтан от создания Син-Ан. Время ветра Сбора

— Веди меня обратно.

Паолино попытался сесть, но рука уперлась ему в грудь:

— Успеется. Я даю тебе время подумать, пока сам кое-что выясню. Наслаждайся.

Жераль пристально смотрел на него сверху вниз, и он подумал, что ки дает время не только ему. Себе — тоже.

683-й юнтан от создания Син-Ан. Время ветра Расцветания

— У тебя нет друзей среди курсантов. Я знаю. Почему?

Жераль, сидевший с книгой на коленях, поднял взгляд:

— Почему бы это, действительно? Может, я их пожираю, когда офицеры и Вышестоящие не видят?

Миаль усмехнулся, видя в голубых немигающих глазах лукавый огонек:

— Да я не о том.

— Тогда о чем? — Ки подпер острый подбородок рукой и начал раскачиваться из стороны в сторону. Чтение ему явно наскучило, он рад был отвлечься.

Миаль потупился и написал неровным почерком еще несколько слов в листе с заданием. Не стоило спрашивать. Поступил как девчонка. Но идти на попятную было уже поздно, и он осторожно продолжил:

— Почему ты не ведешь себя со мной так, чтобы мне захотелось расквасить тебе рожу? Сегодня ты побил трех шпринг просто потому, что у нас отменили занятие по кулачному бою и тебе стало скучно.

Ки самодовольно гоготнул, видимо, вспомнив этот отлично проведенный предобеденный отрезок вахты. Потом скучающе пояснил:

— Потому что на курсе достаточно кретинов, с которыми я могу так себя вести.

— А я?

Грэгор ненадолго задумался и наконец изрек:

— А ты не кретин. Это легко понять, просто на тебя посмотрев, и это многих бесит. И пусть в первый день ты готов был зареветь как самка... как девчонка.

В отличие от большинства юношей, Жераль боролся с этим словом в своей речи. И сейчас отбросил его с небрежным раздражением, потрянув головой так, будто «самка» врезалась ему прямо в ухо.

— И как же ты определяешь?

Ки улыбнулся неожиданно терпеливо:

— У нашего народа не говорят об этом. Я могу лишь сказать, что меня от тебя не воротит. Ты соображаешь, ты не слабак, ты не помешан на всей той идейной чуши, которую нам здесь льют... — Его глаза чуть сузились. — Давай честно, Миаль. Почти все нам подобные идут сюда либо ради статуса, либо ради доступа к насилию. Зачем здесь ты?

— Ради статуса, наверное. Мой отец...

Жераль пружинисто вскочил и одним прыжком оказался рядом. Бесцеремонно плюхнулся на кровать, сдернул с колен Паолино лист и бросил на пол. Миаль вздрогнул. К резким перемещениям соседа он привыкнуть так и не смог — прошел почти целый юнтан, а они по-прежнему его пугали.

— Не твой отец. — Пальцы, покрытые у ногтей легкими чешуйками, потянули за воротник, потом отдернулись. Ки завалился на спину, глядя снизу вверх. — Ты.

Миаль не отвел взгляда. Он ответил предельно просто:

— Чтобы в случае чего я мог постоять за свою семью.

Жераль удовлетворенно кивнул, не двигаясь с места. Его глаза тоже застыли. Наконец, облизнув губы, сосед изрек:

— Поэтому ты не как все. В алопогонные редко идут, чтобы за кого-то постоять.

Миаль с любопытством поднял брови. О подобных вещах они не говорили. И вряд ли когда-нибудь поговорят, ки предпочитал более примитивные и зачастую более похабные темы.

— Даже за Син-Ан, Великую Мать?

Ки сложил губы и издал неприличный звук:

— За нее — так тем более.

Паолино уперся ладонью и вкрадчиво спросил:

— А зачем здесь ты, Грэгор?

Ки не медлил, не думал. Щелкнув в воздухе пальцами, он плотоядно улыбнулся:

— Мне нравится абсолютно всё, что здесь можно получить, Миаль. *Всё*. Включая разрешение на применение насилия. Так что же... тебе еще интересно, почему у меня нет друзей?

Пролог

Бухта Мертвых Крыльев

Здесь никогда не слышно звуков.

Даже если они появляются, побережье поглощает их. Плеск волн, крики красноголовых такар, смутный шум приютившегося в скалах городка Аканара. Песок жадно втягивает все это в себя и проталкивает — глубже в нутро. Подальше от посторонних ушей. Как некогда спрятал от посторонних глаз другое. Он вечно голоден — здешний песок.

Девушка появилась на восходе Зуллура. Вышла прямо из океана, непринужденно встряхиваясь и выжимая светлые волосы. Бок о бок с ней шлепали два рогатых зайца и шуршала по песку огромная фигура деревянного рыцаря с рыбьим хвостом. Все четверо озирались: трое последних с любопытством, девушка... пожалуй, ее взгляд можно было назвать задумчивым. Она как будто что-то припоминала.

Наконец, точно удостоверившись в чем-то, она стала выжимать уже не волосы, а грубое, отороченное свалывшимся мехом короткое платье. Рука задела глубокую рану возле плеча, та закровоточила, но девушка даже не поморщилась. На зверях заживает. И на ней заживет.

Деревянная фигура безмолвно наклонилась к ней, взглянула из-за прорези шлема. Девушка вздохнула:

— Думаю, это ненадолго, Дит. Я поселюсь где-нибудь, найду твоего мастера и дам тебе знать.

Рыцарь кивнул.

— Не ходи в воду. Ты и так много там пробыл. Жди, я за тобой вернусь.

Со стороны океана подул ветер, он нес за собой легкие соленые крошки. По пустому белому небу побежали тонкие полосы темных облаков. Вода заволновалась сильнее.

— Кровь, — скрипуче сказал деревянный рыцарь, выпрямляясь и опираясь на меч. — Глубоко.

Девушка не слишком удивилась перемене темы разговора. Наоборот, одобрительно кивнула.

— И дрэ. Много дрэ. Жуткое место, правда? Нам непременно надо тут пожить.

Она принялась чесать за ушами двух прильнувших к ней рогатых зверенышей. Ее взгляд не отрывался от тяжелой перекатывающейся воды.

В голове у девушки была приятная безмятежная пустота, впрочем, как и почти всегда. Ее мысли немного занимали те, кто остался в большом городе и на маленьком острове. И еще немного — человек-рептилия с ледяной хваткой. Интересный. Девушка облизнула соленые потрескавшиеся губы. Что ж, пусть поищет, а перед этим — подумает. Он может и догадаться. Скорее всего, догадается, наверняка его люди уже шуршат бумагами в архивах, а в его собственной голове скрипят мозги. И мысли копошатся, словно червяки. Все, что нужно сделать, — зализать раны к моменту этой встречи.

С неба предупреждающе упала капелька: стоило поторопиться. К тому же девушка была голодна. В последний раз она съела небольшую рыбу, которую поймала во время вынужденного плавания. Заглотила, пока та еще трепыхалась, не удосужившись почистить и выпотрошить: на зубах до сих пор ощущались мелкие чешуйки. Гадость, но лучше, чем жевать водоросли, как делали лапитáпы.

Напоследок, прежде чем тронуться в путь к Аканару, девушка решила кое-что сделать... просто чтобы проверить. Она редко себя проверяла, но тут случай был особый.

— В воду, — скомандовала она животным и деревянной фигуре. Сама же опустилась на корточки. Приложила ладонь к песку, сосредоточенно зажмурила глаза и наклонила голову.

В отважно открытый рассудок с радостью хлынули тысячи древних смертей.

Это были разные смерти, причудливо смешанные в самых диких пропорциях. Смерти выбросившихся на берег рогатых дельфинов и змеезубых китов. Смерти такар, ушедших на дно, когда истек срок их жизней. Смерти заблудших самоубийц. Но главное... это были смерти живых вещей и их Зодчих.

Много-много сотен юнтанов назад, когда Син-Ан еще не была единой, но уже желала таковой стать, именно здесь, на маленьком побережье близ маленького поселения в скалах, в последний раз случилось то, о чем ныне можно прочитать только в книгах.

Битва.

Да, здесь воевали. Силы Объединенного, тогда еще не называвшегося Большим, Синедриона и всех тех, кто не желал вставать под его щедрую длань. Даже странно... сколько же островов, городов и агломераций упирались, выступая против счастливого общего будущего. Многие не хотели отказываться от собственных правителей и советов, знамен, законов. Глупых обычаев и непонятных слов — «Божество» вместо «Судьба», «душа» вместо «тэ», «перерождение» вместо «прорастание». Слов, которые засоряли и запутывали прекрасный, стройный Общий язык.

Здесь воевали. Несколько дней и ночей, потому что оказалось, что те, кто был против, неплохо подготовились. Среди них нашлось немало Зодчих, а также множество сильнейших и величайших кораблей и самолетов. И никто не хотел уступать ни на воде, ни в воздухе.

Конечно, в конце концов Единство выиграло, как и всегда. Победило и ушло, оставив крохотный кусочек перешейка мертвым и почти обезлюдевшим. Обезрыбевшим, обескровленным и даже *обесшумленным*.

Все враги Синедриона остались здесь.

Всем врагам Синедриона хватило тут места.

Под водой.

В песке.

Говорили, что сотни кораблей стоят там, в глубинах, рядами, и ловцы жемчуга иногда видят в вязкой соленой мути их так и не сгнившие, совершенно целые, ждущие чего-то силуэты.

Говорили, что сотни самолетов лежат в песке один над другим. Их никто никогда не выкапывал. Просто пару раз они сами ненадолго показывались, чтобы вскоре исчезнуть.

Поэтому место и назвали — бухта Мертвых Крыльев.

Хотя некоторые величали его немного иначе. Старым, давно не используемым в Син-Ан словом. *Кладбище*.

Кладбище самолетов.

Ведь все они были почти мертвы, поедены дрэ, но почему-то...

— Вы здесь, — прошептала девушка и широко заулыбалась. — Я знаю, что вы здесь. И что вам скучно. Может, я смогу что-то с этим сделать.

На макушку упала капля. Песок перед девушкой зашевелился, осыпаясь в разные стороны. Она ждала. Наконец, настойчиво толкая ее ладонь вверх, показался проржавелый металлический нос. Девушка поднялась и отступила.

Самолет был маленький. Одноместный. По конструкции примерно как тот, что собрала Тэсси. Когда он вылез, девушка догадалась, что внутри есть кое-что еще.

— Скелетик, — почти пропела она.

Фигура, обтянутая обрывками не сгнившего спрессованного тряпья и легкой кольчуги, была вдавлена в спинку сидения пристежными ремнями. Лишившись опоры, спрятанная под шлемом голова свесилась вбок. Она удерживалась на шее каким-то чудом.

Самолет стоял на песке недвижно и молча, хотя девушка почти не сомневалась: живая вещь может говорить. Намного лучше, чем покойный хозяин, по крайней мере, сейчас. Хотя если постараться...

В животе неприятно заурчало, и девушка вздохнула. Что ж, все ясно. Лучше поскорее заняться более важными и срочными делами, пока какой-нибудь горожанин не надумал вылезти на прогулку к пляжу. Конечно, в этом месте никогда особо не ходили, но...

— Спи.

Самолет начал плавно погружаться обратно. Вскоре берег стал гладким, как раньше. Пленники уснули.

Зарядил дождь, сырой запах которого тут же смешался с запахом моря. Девушка махнула рукой рыцарю, подозвала рогатых зайцев и лениво побрела к городу. Босые стопы оставляли ровную цепочку неглубоких следов. Ву Ва'ттури всегда ступала чрезвычайно легко.

* * *

В городке на мокрую гостью не обратили особого внимания, потому что лило уже по-настоящему. Она беспрепятственно разыскала места, которые были ей нужны. Благо, они располагались рядом, разделенные лишь кривой мостовой.

Гостиница была пятиэтажная, но все равно какая-то маленькая, грязная, косая. Изнутри она все же оказалась получше: Ву досталась теплая комната наверху, с очагом. Первое, что девушка сделала, — начала набирать ванну. Вода была ржавой, но горячей. Ванна напоминала корыто и каким-то образом успела зарости мхом и лишайником. Хотя вряд ли это могло чем-то грозить, тем более, ей.

Девушка полностью разделась и кинула скомканное тряпье в углу, оставив только ракушку на шее. Пока вода наливалась, Ву стояла у окна. Вид открывался на улицу напротив. На мастерскую ло Ила́йи Канкаго́ра, старого резчика по дереву, который, говорят, продолжал поставлять красавиц и уродцев для фронтовых судов алопогонных и благодаря этому расчудесно жил даже в захолустье. С ним можно было повидаться... но не сейчас. Сейчас все могло подождать. Ву довольно потянулась.

Если смотреть выше, то можно было увидеть еще больше неприглядных домов, а если взять подзорку, — то и лес, и опустошенное черное поле... и кусок уходящей далеко вперед блестящей железной дороги. Да, далеко... но никто из нынешних горожан, скорее всего, не представлял, *насколько* далеко на самом деле они уходят — эти рельсы. А вот Ву знала. Она помнила.

Хорошо помнила, как маленькая девочка — она сама — летела на большой птице. Распласталась, прижавшись к ее покрытому перьями телу и оставляя свои тайны все дальше. Летела под хлесткими ударами ветра, став с птицей единым целым и прося только об одном.

Подальше. Подальше. Подальше, до того как их убьют!

Но она все же это увидела. Заблудившись, а может, направленная особенно злым ветром, птица пронесла Ву над этой железной дорогой.

Над местом, где алопогонные травы Зверя. Как раз когда все это происходило.

Она запомнила. Ей было целых пять, а голова у нее работала на все шесть, а то и семь юнтанов. Наверное, поэтому у нее *все* получалось, поэтому многие ее выделяли. Например, красивый черноволосый мужчина, который приезжал чаще других и которого она всегда ждала. Пожалуй, она в свои пять даже была в него немного влюблена, хотя у него имелась женщина, которая ждала выводок. Влюблена в его шелковый платок, в голубые глаза, в красивейшие пальцы...

Ву встряхнула головой. Неважно.

Он возлагал на нее большие надежды, как и на остальных. Она, даже маленькая и очарованная, предпочла их не оправдать. Улетела. Скиталась по миру. Запудрила мозги *седоволосому*, вычтя у себя несколько юнтанов и затерявшись среди детей. И все было так... здорово. Пока не пришел туман. Снова туман.

Погружаясь в воду по самый нос, Ву умиротворенно зажмурилась. Славно. Она вернулась. Почти домой, по крайней мере, до дома не так чтобы очень далеко.

И у нее есть несколько взаимоисключающих планов и желаний. Выбор зависит только от ее собственного настроения.

1. Бумажные мышцы

Лить с неба начало уже на середине пути, и, возможно, дождь собирался еще долго провожать Белого Оленя. Капли проворно бежали по стеклам, вид застилало мутно-серой дымкой. Казалось, сырые коконы окутали каждое дерево проносившейся мимо лесополосы.

А ведь остаток первого дня поездки, первая ночь и утро были ясными, светлыми. Зуллур щедро пригревал, сестры танцевали в Небесном саду и играючи указывали путь. Убегающий за окнами Перешеек, океан, да и мир в целом — все выглядело приветливым и дружелюбным.

— Мне уже кажется, надеяться не на что. Наш народ... ему всегда немного не везло. Мне — так точно. Прости, Ласкез. Я принесу тебе несчастье.

Таура свернулась калачиком на койке и подложила под щеку ладонь. В таком положении она пробыла почти весь предыдущий день, отказалась идти в ресторанный вагон, не соблазнилась ни рыбой, ни другими вкусностями, которые Ласкез ей принес. Он не был удивлен: уже знал, что после сильных потрясений шпринг становятся такими: вялыми и безразличными, будто тихонько угасают изнутри. Потом — видимо, преодолев себя, — кошки возвращаются к нормальному настроению. Оставался один вопрос.

— Что тебя грызет, Таура? — Он постарался улыбнуться. — Я вообще даже рад, что вместо этой странной Евы...

— А если ее убили? Если их всех...

Ласкез смотрел в большие, влажные зеленые глаза. В них читался страх. Страх не исчезал из этих глаз ни разу за все время путешествия. С того самого мгновения, как Ласкез заметил на перроне широкоплечего черного шпринг с подпалинами на ушах и хвосте... голубоглазого... в форме. Поколебавшись, Ласкез спросил:

— Тот тип. Алопогонный, который подошел поболтать с Джером, когда поезд уезжал...

Порванное ухо Тауры нервно дернулось.

— ...мне на миг показалось, что ты его испугалась. Именно его. Думаю, мы удрали уже достаточно далеко, чтобы я мог спросить...

И начать думать. О том, что вышестоящий Ронима носит теперь другую форму. О том, что, может быть, зря не слушал Тэсс.

Мысли тревожно зашевелились в голове. Ласкез едва не взвыл в голос, проклиная весь свет разом. Так ждать, верить. И дать всего-то одному плешивому коту разбавить это ожидание, эту детскую веру страхом.

— Ты тоже узнала его. Так?

Таура приподнялась и тяжело вздохнула.

— Да. Он прилетал на остров с серыми. Но дело не в этом. Просто...

Ласкез припомнил. Тэсс говорила что-то... странное. Про туфли, и еще про какие-то сомнительные пошлые комплименты, которые, как Ласкезу казалось, должны девчонок радовать, а не пугать. Уж точно — не пугать *настолько*. Чтобы отчаянно запрыгнуть в поезд, на котором ты и вовсе не собиралась ехать. Чтобы впиваться в плечо, прятаться, дрожать и...

— Он схватит меня. Мне вдруг показалось, он сейчас схватит меня. Именно меня, и не из-за нашего дела, не из-за управителя или бедняжки Евы, а просто потому, что я...

Она запнулась, покраснела и прикрыла лицо. Подумав, Ласкез осторожно закончил за нее:

— Потому что ты... красивая?

Шпринг уткнулась в подушку. Ее уши уже не подрагивали. Она просто лежала неподвижно и молчала.

— Я боюсь таких, — наконец пробормотала она. — Они... такие... все время напоминают мне, что я больше не ребенок. Что мир очень большой и полон взрослых. Опасных взрослых. Жестоких.

Ласкез сдержанно кивнул. С подобными нехитрыми вещами он смирился давно. Задолго даже до того как у него начали пробиваться волосы на подбородке. Наверное, прямо в тот самый день, когда...

Роним, не улетай!

Ласкез моргнул. Потер переносицу. И пообещал:

— Я буду тебя защищать. И...

...Роним тоже. Надеюсь.

Этого он не произнес. Шпринг посмотрела на него, робко улыбаясь уголками розовых губ.

— Ты такой милый.

Он смутился и поспешил добавить:

— А ты подруга Тэсси. И моя. Ты же знаешь, мы тебя любим.

Она села, обняв колени, и заулыбалась шире. Ласкез протянул руку к раздвижному столику и взял разговорную тетрадь. Зашелестел страницами, считая: осталось больше половины. Больше половины пустых листов.

— Постарайся приободриться, — не поднимая взгляда, посоветовал он. — Сомневаюсь, что мы сделаем что-то полезное, если ты будешь лежать и грустить. Вряд ли кому-то поможем.

Она кивнула. Ласкез заметил, что девушка разглядывает листы бумаги.

— Что?

— А ты...

Таура потупилась и дернула ухом.

— Да?

— Ты не мог бы...

Ласкез отлистал две страницы назад и нашел ту, где писал о лапитапах и дóги. Дальше были записи о барсуках, о Выпуске алопогонных, о Дите, но та — *последняя под Кровом* — привлекла его внимание. Внутри него словно натянулась струна.

— Сделай мне мышку. Как в детстве. Ты складывал такие здоровские игрушки из старой бумаги. Помнишь?

Он удивленно посмотрел на нее. Шпринг спряталась за собственные растопыренные пальцы.

— Ладно, не надо. Я так... чокнулась, наверное. Просто подумала, что это меня бы успокоило.

— Без проблем, — поспешил заверить ее Ласкез.

Он вправду делал бумажные фигурки: птиц, лодки, флюгеры и самолеты. Для Тауры один раз создал целый десяток разноцветных мышек, которых шпринг развесила на нитке у окна комнаты. Она обожала эти игрушки, пока однажды во время праздника Перевéяния кто-то случайно не подпалил гирлянду.

— Только вспомню, как...

Он не глядя вырвал два листа и начал складывать. Пальцы вспомнили нужные движения быстро, а еще почти сразу пришло чувство странного умиротворения. Первая мышь получилась белая: единственная строчка, «волки боятся рогатых зайцев», оказалась на внутреннем сгибе. Ласкез не сразу заметил, что испортил именно этот лист... а осознав, подумал, что, возможно, поступил правильно.

Вторая, бело-синяя мышь была густо исписана фактами о Такатане. Ласкез отогнул фигуркам хвосты, ручкой подрисовал носы и глаза. Поставил игрушки на стол. Таура тут же схватила их.

— Благодарю... они чудесные.

— Ерунда.

Ласкез тоже невольно улыбнулся. Она всегда казалась ему немного смешной — эта девчонка. Смешной, нелепой, но, наверное, лучше всех на свете подходящей для хмурой, вечно озабоченной, ответственной Тэсси. И эту девчонку нужно было как-то уберечь. От всего. Неизвестно, от чего именно, но надо.

Поезд громче застучал колесами. Кажется, ему нравилась горка, по которой приходилось взбираться. Потолочные огоньки, закрепленные на металлических штырях, слабо покачивались, бликовали золотым. Листы тетради были хорошо видны. Ласкез перевернул еще страниц десять назад. И еще десять. Вернулся далеко-далеко в прошлое, стал читать.

«В книгах люди идеальные. А ты настоящий. Живой. И дружишь со мной».

«Ну... какому взрослому это надо — дружить с глупым мальчиком, который даже разговаривать не умеет?»

«Я, наверное, даже не представляю себе, каково это — быть настоящим сыщиком. И жить в Большом мире».

Так они общались: Ласкез писал, Роним отвечал вслух. Отвечал на все. Сейчас, вспоминая, Ласкез удивлялся, как детектив находил ответы даже на несусветные глупости, вроде этих. Потеряв голос, а вместе с ним часть себя, Ласкез спрятался от мира за книгами. И смог выбраться только к этому почти чужому человеку. А выбравшись, лип так настырно, что сам на месте сыщика быстро бы себя послал куда подальше. Записи — разные, о разных вещах, — на самом деле говорили об одном: «Не бросай меня. Помоги мне. *Спаси меня*». Роним спас. Даже уехав и не написав ни одного письма.

— Он хороший. Тэсси не права.

Ласкез снова поднял глаза. Таура кончиком пальца гоняла мышей по столу.

— Что...

— У меня есть интуиция. Она работает. Мы же умнее вас, забыл?

Он благодарно улыбнулся, но так и не смог отвлечься от мыслей и воспоминаний.

Сейчас, с наступлением темноты, они казались особенно тревожными.

До тумана

Они собирались читать очередной детектив. Ласкез едва высидел нудные уроки, наплел Тэсс какой-то ерунды про то, что собирается делать с мальчишками большую бумажную птицу, на которую будет ловить молнии. И, наскоро проглотив что-то на ужин, побежал со всех ног.

Влетев в читальню в третьем часу третьей вахты, он обнаружил, что Роним, откинувшись на спинку дивана, крепко спит. Книга лежала у него на коленях. На зеленой обложке виднелся знакомый силуэтный профиль: клыкастая морда с пяточком. Благородный офицер Пэртэ о'Лано, сыщик-свинья. Название — «Дело Золотого Эшелона».

Бедняга Роним... Эта мысль уже не в первый раз закрадывалась ему в голову: серопогонный то-сйн, Сиш Тавенгабар, — отвратительный тип. Ласкез часто слышал, что Тавенгабар повышает голос; можно было не сомневаться: отдыхать своим людям он не дает. Тем более... мальчик не был уверен, но ему казалось, что расследование — там, у чужаков, — не продвигалось. Вряд ли большой черный кот был доволен.

Ласкез подергал детектива за рукав, но спохватился: пусть спит. В конце концов, пока можно почитать другую книгу. Или эту, но самому. Подумав, именно так Ласкез и сделал: сел, взял грубо переплетенный томик и отодвинулся в угол дивана, забравшись туда с ногами. Пальцы пробежались по книжному срезу, потом неспешно перевернули первую страницу.

«На маленькой железнодорожной станции сегодня было тихо. Так тихо, что тишина заливалась в уши, словно вода. Но офицеру Пэртэ нравилась такая тишина».

Чтение быстро его захватило. Мальчик увидел изнутри большой золоченый поезд, где ехали самые богатые ло и ла из Галат-Дора. Услышал стук колес, а за ним — шаги по купе. В мозгу заработали маленькие шестеренки. Цепляться за детали — вот что нужно. Особый скрип ботинок, татуировка на руке или...

— Не надо. Не стреляй в них!

Вздрагнув, Ласкез уставился на пошевелившегося серопогонного. Роним сжал левую руку в кулак. Повернул голову в сторону. Лицо, поросшее щетиной, скривилось.

Роним?

Из горла мальчика не вылетело ни звука, зов прозвучал только мысленно. Он беспокойно завожился, подался ближе, вглядываясь и вслушиваясь. Детектив снова заговорил, горячо и быстро.

— Они не виноваты. Не надо!

Роним говорил что-то еще: отрывочные фразы, которые не получалось запомнить. Снова и снова просил. Ласкез, шевеля губами в тщетных попытках подать голос, тянул его за руку раз за разом, безрезультатно. Тогда он ударил серопогонного по щеке. Веки дрогнули. Ласкез отпрянул.

Лицо сыщика казалось застывшим. Как никогда усталым и осунувшимся, даже глаза заволокла вязкая грязная муть. Грудь вздымалась и опадала, взгляд блуждал по комнате.

Мальчик ждал, забившись в угол и крепко вцепившись в книгу.

Роним наконец более-менее пришел в себя и приподнял голову от спинки дивана. Глаза, постепенно проясняясь, остановились на Ласкезе.

— Проклятье ветрам... я напугал тебя?

Ласкез торопливо помотал головой, хотя на самом деле внутри что-то дрожало. Видимо, не только внутри, потому что Роним нахмурился. Выпрямился, придвинулся ближе. Пальцы коснулись волос.

— Прости меня. Видимо, совсем замотался. Даже не смог тебя дождаться.

Мальчик постарался улыбнуться. Выпустил книгу, развел руками, как бы отвечая: «Ничего». Серый детектив пару раз провел по его взъерошенной макушке и с явным усилием сделал вдох. Ласкез открыл тетрадь и написал:

«Иди спать».

— Да не бери в голову. Мы много работаем. И со мной бывает, что я отключаюсь.

«Ты всегда видишь такие сны?»

Роним посмотрел в упор. Ласкез не отвел взгляда. Нахмурился, копируя выражение лица сыщика.

— Я говорил во сне?

«Ты пытался кого-то спасти. Свою... семью?»

Мальчику было не по себе, но на самом деле он был рад возможности спросить. Все это время, все дни вместе Ласкез очень боялся простой вещи. Узнать, что у Ронима дома полно детей. Которые намного лучше, умнее, а главное...

...Родные. И говорят.

— Нет, Ласкез. Я просто слишком близко знаю смерть. Помню много страшных историй. Тем более страшных, что все они случились наяву и могут повторяться во сне.

Ласкез кивнул. Не зная, что еще сделать, он вытащил из кармана маленькую коробку леденцов и протянул сыщику. Тот негромко рассмеялся. Смех был спокойным, но каким-то надломленным.

— Благодарю. Но я не люблю сладкое.

Тогда он вынул из другого кармана пачку сигарет. Роним удивленно сдвинул брови.

— С ума сошел? Давай сюда, тебе еще рано.

Ласкез спрятал сигареты за спину и быстро написал:

«Это от старших. Они прячут всякие такие штуки, отдавая нам. У нас не ищут».

Роним с сомнением наклонил голову к плечу.

— Ты мне не врешь?

Мальчик насупился и тут же заметил, что взгляд серопогонного потеплел.

— Ладно, извини. Много успел прочитать?

Остаток вечера прошел как всегда. Как многие другие вечера после. Сон постепенно забылся, тем более все записи о нем делались карандашом и были стерты.

...Он лежал и смотрел на качающиеся светильники. За окном проносились мимо рыжие фонари. Пахло морем: Олень ехал вдоль самого берега, периодически подавая встречным собратьям гудки. Таура спала. Бумажные мышки стояли рядом с двумя стаканами в золотых подстаканниках. Шпринг начинала иногда возиться во сне, чудом не падая с койки.

Поняв, что не уснет, Ласкез встал и вышел в широкий вагонный коридор, тоже весь узорный и вызолоченный, как подстаканник. Дорожка ковра под ногами была белой и напоминала снег. Ноги утопали в густом ворсе.

Ласкез надеялся, что в коридоре будет пусто: если кто и не спит, то допивает что-то за столиком в вагоне-ресторане. Он собирался немного пройтись — размять ноги и подумать... хорошенько подумать. О Тэсс и Джере, о Рониме, о полузабытом сне, который...

— Простите. У вас не найдется закурить?

В конце вагона у открытого окна стояла женщина. Высокая, худая и жилистая, она с тоской разглядывала уже почти дотлевшую сигарету в своей руке. Видимо, последнюю.

— Извините, нет. — Он сделал несколько шагов навстречу. — Не курю.

Женщина огорченно улыбнулась. Рот был ярко накрашен, но в сочетании с угольной подводкой век это почему-то не выглядело вульгарным, как у многих девчонок Крова. Светлые волосы выбились из высокой прически, удерживаемой искусственными цветами-заколками. Цветы были оттенка запекшейся крови, глухое платье — коричневым. Румяна и

пудра мешали определить возраст. Женщина могла быть как моложе ла Довэ, так и старше.

— Что ж, — сказала она. — Тогда поболтайте со мной.

Отказывать было неудобно. Может, потому что ее карие глаза слишком внимательно и властно смотрели. Ласкез подошел.

— Я скучный собеседник, ла.

— Многие интересные знакомства начинаются именно с таких слов, — откликнулась она. В последний раз затянулась и выкинула окурочек. — Не замечали?

Он кивнул, предпочитая промолчать. Ласкез не совсем понимал, что делать. Ему не хотелось представляться, а не представиться было невежливо. Выдумать имя? Глупо... Но, кажется, незнакомка догадалась. И, возможно, разделяла нежелание называть себя. По крайней мере, сразу спросила о другом:

— Путешествуете празднично или по делу?

— Едем к... друзьям детства. А вы?

Она положила руку на длинный поручень и устроила на ладони подбородок. Кожа была гладкая и ухоженная, в ухе искрился ромб длинной серьги.

— Еду от... друзей юности. Домой. В Аджавелл.

Ласкез решил не говорить, что выходит там же. Опять кивнул. Невольно принялся: от женщины пахло ароматной водой. Другой, не той, которой душились девчонки. Тяжелой. Это словно был запах прожитых юнтанов. Точнее, видимо, лучших прожитых юнтанов.

— Вы были там?

— Нет, — признался он. — Я мало где бывал.

— Вам понравится. Мерзкий, дождливый и вдохновляющий город.

— Интересная смесь.

Женщина усмехнулась:

— Это и воодушевляет. К стойкости и подвигам. В Аджавелле живут сильные люди. Когда я туда перебралась, не думала, что привыкну. Люблю тепло.

— Так зачем же вы там поселились, если могли выбирать? — невольно заинтересовался Ласкез.

— Хм... хотелось проверить себя и открыть что-то новое. Пожалуй, так. Есть ли какой-нибудь другой смысл оставлять привычный дом? Я мечтала об этом, когда была молодой и красивой.

— Вы и сейчас очень кра...

Она повернула голову. Карие глаза лукаво, но утомленно блеснули.

— Поверь... — Она резко перешла на «ты», и почему-то это не резануло слух. — Я не напрашивалась ни на какую лесть. Я была молодой, а сейчас вокруг меня уже постепенно начинают дуть ветра Увядания. Или Сбора, что нравится мне больше. Прекрасные ветра, хотя все ветра в чем-то прекрасны.

— Извините, я не хотел...

— Славный мальчик. — Она заправила за ухо локон. — Воспитывался без женской руки?

— Как вы догадались?

Ласкез был впечатлен. Как любителя детективов, его всегда интересовало, как другие применяли дедукцию. Кажется, его вид позабавил собеседницу, потому что она звонко рассмеялась.

— Готов расточать смелые комплименты незнакомкам. Вероятно, потому что так

поступают в книгах. Мальчик, который каждый день видит, например, свою мать... он даже не задумывается о таких вещах. Женщина становится привычна. Незачем говорить ей приятное.

Ласкез потупился. Но собеседница тепло и ласково улыбнулась.

— Да. Ты славный. Куда бы ты ни ехал, надеюсь, у тебя все сложится.

Он благодарно кивнул.

— И я надеюсь, что у вас тоже.

Женщина вытянула из-за воротника цепочку, на которой висели маленькие ромбовидные часики. Отщелкнула украшенную белыми камнями крышку, рассеянно глянула на стрелку и выпрямилась.

— Сквозит...

Она попыталась притворить окно. Помогая, Ласкез обратил внимание на тонкие пальцы, пересеченные по средним фалангам двумя шрамами. Женщина перехватила взгляд, убрала руку. Окно со скрипом съехало вниз.

— Что ж. Мы поболтали ровно столько, за сколько я выкурила бы хорошую дорогую сигарету. И это даже лучше. Есть... что-то особенное в поездах и случающихся здесь встречах. Может, то, что они никогда не повторяются. Пора спать.

— Доброй вахты, ла. — Он слегка поклонился.

Женщина повернулась и пошла к выходу из вагона.

Возвращаясь к себе, Ласкез беспокойно думал о незнакомке. И почему-то у него не выходили из головы длинные шрамы на белой коже.

2. Ванкра́м ле'Го́рн

Этот участок побережья отгораживали от гавани острые скалы. Вода здесь, особенно громко шипя и вспениваясь, пыталась лизнуть пятки тех, кто с хищной легкостью ступал по песку. Волны обрушивались друг на друга, поднимаясь, а затем замирая. Их попытки добраться никогда не удавались: люди тову́ра были ловкими.

Ло Лирисс заставлял охрану тренироваться каждый день, прежде чем отпустить ко сну. Они дрались по полчаса на рассвете. Здесь, на мокром песке, в котором легко увязнуть и где так легко споткнуться. Но люди — даже новенькие, даже те, в ком кровь лавиби смешивалась с чужой или кто вовсе не принадлежал к барсучьей расе, — не спотыкались и не вязли. По крайней мере, Тэсс этого не видела.

Сегодняшний рассвет она, как и предыдущие, встречала здесь, на скалах, скрывавших норы Вáйлент о'Ана́три. Никем не замеченная, она наблюдала за стражниками: с того момента, как они пришли и разбились на пары, до завершения тренировки — когда, добродушно рыча и стряхивая с себя песок, хлопали друг друга по плечам. Они почти не пользовались оружием, самую малость упражнялись с короткими ножами. Бо́льшую же часть времени дрались врукопашную. И это было страшное, но захватывающее зрелище. Особенно для Тэсс, которую раз за разом заставляло вылезать на это подобие крыши любопытство. Вместе с отчаянным пониманием, что надо научиться чему-то похожему.

Она вспоминала алые башни. Как дралась Ву, как сражалась доктор. Как Грэгор Жераль и остальные смотрели на загнанных жертв. Тэсс ясно осознала кое-что важное.

Она слабак.

За много юнтанов жизни под Кровом она так и не развила дар Зодчего. За долгое путешествие — не разгадала тайну зеленой подвески. И, вдобавок ко всему прочему, не может постоять за себя. Тем более, за кого-то другого. Слабак. Не умеющий работать ни головой, ни кулаками.

Впрочем, осознание этого скорее привело ее в ярость, чем огорчило. Первые и последние слезы высохли в день, когда ушли корабли с красными парусами. Больше Тэсс не плакала. Она искала решение.

В Вайлент о'Анатри, во всем городе, настала тишина, связанная, конечно же, с отъездом алопогонных, как юных, так и взрослых. Такатан лениво дремал в ожидании большого праздника — Переветания между ветром Сбора и ветром Сна. Оставались считанные недели, и ожидание не отравили слухи об облаве, которую устроил Грэгор Жераль. Об этом товур Лирисс позаботился. Он тоже предпочел затаиться.

Старший лавиби казался Тэсс мрачнее, чем раньше. Конечно, у него были на то причины, минимум две: скорый отъезд новообретенного сына и все те ужасы, что произошли в день отбытия Ласкеза. Но то ли Тэсс стала цепляться к мелочам, то ли тут было еще кое-что.

Какой он был — этот ваш главный на острове? Он вам нравился? Как вы жили?

Уже несколько раз товур Лирисс невзначай заводил разговоры об одном и том же. Джер и Тэсс отвечали сдержанно. Они не касались внешности, тем более прошлого управителя. Добрый человек, немного зануда, с ним было хорошо и надежно. Джер и Тэсс не помирились, но в этой осторожной стратегии сходились полностью. И держались ее, пока была возможность. Наверное, от них обоих пахло ложью. Тем более странно, что Лирисс

принимал это вранье.

Сейчас, глядя, как охранные по обыкновению сбиваются в кучу, чтобы идти в казарменные норы, Тэсс снова и снова перебирала в голове догадки.

Алопогонный Грэгор Жераль... Ву говорила, что видела их с ло Паолино вместе. Все тот же ки напивался с отцом Джера, отпускал шуточки про Тауру. Они прекрасно ладили. И этот отвратительный кот, Тавенгабар, с ними. Неужели управитель...

Мысль, которую Тэсс спешно оборвала, не была такой уж шокирующей. Испугала она только в первый раз, после первых вопросов от Лирисса. Тэсс тогда поделилась ею с Джером, но...

— Не забивай голову, самка. Ни себе, ни мне. Даже если эти четверо все закадычные друзья... что это даст? Отменяет тот факт, что Паолино за решеткой?

Процедив это сквозь зубы, Джер не удостоил ее больше взглядом и ушел за отцом, как и почти всегда в последнее время. Так или иначе, он был прав: пусть лучше товар терзается подозрениями, чем принимает определенную сторону. Это вполне может оказаться не сторона управителя.

Впрочем... намерение выручить его с течением времени казалось все менее осуществимым. Надежда таяла с каждым часом, как казалось Тэсс.

Никого больше не ищите.

Так велела ла Довэ. Жива она еще? И жив ли управитель? Ву украла, — теперь Тэсс предпочитала это слово — зеленую подвеску. Ориентир Странника, вещь, с помощью которой Тэсс могла хоть что-то предположить о состоянии Паолино. Вдобавок к прочему, Ву украла Дита. Да и вообще... кем была девчонка, которая поначалу казалась безобиднее самого легкого ветра?

Даже без ответа на эти вопросы Тэсс понимала: из угла, в который ее, да и Джера тоже, загнали, нет выхода. Доктор больше не поможет советом, Странник не найдет дорогу, Ласкез не поддержит так, как умеет только он. И рядом нет Тауры, благодаря которой все казалось лучше. А виновата во всем...

При мысли о Еве Тэсс сжала кулаки. Трусливая маленькая дрянь. Ничего плохого не случилось бы, не надумай она сбежать. Хотя... Ничего плохого не случилось бы, если бы они просто послушали Джера. Не взяли веспианку на корабль.

Тэсс бы в этом не призналась. С Джером они все равно почти не разговаривали. Вряд ли лавибби, и так уверенному в собственной правоте, нужны были покаяния и извинения. Его вообще не волновало ничего; Джер ждал лишь дня, в который Ласкез прибудет в Аджавелл и получит короткое послание.

«Не высовывайся от своего сыщика. Никаких движений. Все отменяется».

Он не собирался терять друга. Тэсс не собиралась терять брата. Но и то и другое значило окончательно потерять доктора и управителя.

Охранные ушли. Песок испещряли следы их ног. С каменной площадки, которую Тэсс облюбовала, эти борозды, полосы и ямы было отлично видно. Тэсс тяжело вздохнула и поднялась. Впереди — за океаном — полз ввысь сияющий лик Зуллура.

Когда мир просыпается, тревожные мысли всегда ненадолго отступают. Именно поэтому Тэсс любила встречать рассветы. Под Кровом ей нередко было лень продирасть ради этого глаза, но здесь напротив — вставать было легко. Хотелось скорее выбраться из-под толщи камня и земли, служившей домом, — надежным, щедрым и все же чужим.

Золотисто-рыжий шар вылез из-за края воды уже полностью, когда в пронзительном

сиянии что-то показалось. Точка, похожая на птицу, становилась все четче. Такара? Нет, крупнее. Точка быстро мчалась над водой, и Тэсс, щурясь, присмотрелась. Нет... вряд ли птица, они не способны парить так долго, не взмахивая крыльями. Тэсс приложила ко лбу ладонь козырьком.

Точка уже планировала над самым океаном и явно собиралась продолжить движение к берегу. В шум волн вмешался новый звук, который подтвердил мимолетную догадку. Рокот прекрасно работающего, мощного самолетного двигателя. А пилот явно наслаждался близостью волнующейся, ворчливой воды.

Тэсс села на выступающий камень. Первая мысль — убраться подальше — могла оказаться глупой предосторожностью. Вряд ли в самолете летел алопогонный: они предпочитали являться с куда большей помпой. Да и машина, которую уже можно было рассмотреть, была другой расцветки. Черный блестящий нос, черные крылья, белая нижняя часть. Ни одной алой капли. Тэсс все же немного отодвинулась влево — в густую тень поднимающегося скального уступа. На всякий случай.

Рев мотора уже заглушал океан. Небольшой самолет двигался над самыми волнами, почти задевая их шасси. Зуллур стал таким ярким, что пилота не удавалось рассмотреть. Его фигура оставалась пятном, сколько Тэсс ни выглядывала из-за уступа. Ровно до момента, пока, посадив самолет на песок, он не выпрыгнул из открытой кабины.

Глаза и почти всю верхнюю часть лица незнакомца скрывали блестящие защитные очки. Это определенно был лавибби: нижняя, открытая половина лоснилась густой белой и черной шерстью. Барсук казался высоким, не ниже Ласкеза, но широкоплечим, как Джер. Рядом довольно странно смотрелась гибкая, изящная машина, замершая на песке. *Живая* — Тэсс сразу это ощутила. И порадовалась, что не взяла на прогулку Марча: маленький самолетик наверняка воодушевился бы при виде такого собрата и захотел бы познакомиться поближе. Вопреки планам пилота и Тэсс.

Размяв плечи, незнакомец осмотрелся, хлопнул по блестящему крылу и что-то пробормотал. Самолет стоял на месте как вкопанный. Мотор затихал, наконец и вовсе смолк. Лавибби удовлетворенно кивнул и направился от воды прочь.

Он явно спешил к скалам — к проходу в казарменные норы. Тэсс сидела спокойно: если бы даже он задрал голову и оглядел верхние утесы, вряд ли бы кого-то заметил. Разве что мог учуять... но его занимало сейчас что-то другое. Вскоре незнакомец скрылся.

Тэсс посидела еще какое-то время, затем поднялась. Осторожно ступая, она подошла к краю выдолбленной в камне площадки. Девушка никак не могла оторвать взгляд от черно-белого самолета там, у кромки воды. Он казался тонким и легким, скорее женским. Но распространял вокруг сильные, уверенные волны тэ.

Ее донимало любопытство. Обычно Тэсс старалась не идти на поводу у этого бестолкового и опасного чувства, но... за последние несколько дней оно стало первым, что она вообще испытала. До этого эмоции будто выбило — то ли ссорой с Джером, то ли слезами, то ли угрызениями совести. Тэсс не разрешала себе анализировать, но в глубине души отмечала: она словно превратилась в деревяшку. Не переживает так сильно, как должна. Не радуется. Только думает — хладнокровно, скованно и отстраненно. Нужно было разбудить саму себя. Но у нее не получалось.

Может, именно поэтому, вместо того чтобы двинуться к своему окну, Тэсс принялась спускаться. Скалы не были крутыми: наверное, их основательно стесали, когда предки тогура еще только обустроивали в подземных глубинах жилье. Тэсс цеплялась за уступы,

вздрагивая, когда из-под ног осыпались мелкие камешки или удирали забравшиеся слишком далеко крабы. Наконец она достигла песка и, отдышавшись, пошла к воде.

Самолет, совсем притихший, все так же гордо стоял на месте. Вблизи Тэсс видела, как он великолепен. Будто вчера покрашен, ни трещинки, ни царапины. Аккуратное шасси, сужающиеся к концам крылья. Белоснежный, без следа грязи, низ, похожий на точеную грудку птицы. Тэсс сделала еще пару нерешительных шагов и прошептала:

— Здравствуй... те.

Она не знала, что заставило ее обратиться к вещи на «вы», это, наверное, было глупо. Тем более такие самолеты далеко не всегда имели голос, а если и имели, то знали не слишком много слов. Сложная речь свойственна крупным вещам, маленькие ограничивались необходимым пилоту набором команд. Здороваться они обычно не...

— Здравствуй, маленькая ла.

Голос был мужской, чистый и довольно молодой. Тэсс вздрогнула. Под черным крылом лениво мигнул голубой огонек.

— Надеюсь, я вас не побеспокоила...

— Нисколько.

— А как вас зовут?

Она задала вопрос, убедившись, что бока самолета пустые, без надписей. Под обоими крыльями зажглись лампочки, и, как Тэсс показалось, самолет попытался приосаниться.

— Я — Король Стрижей. Никак иначе. Падай ниц.

Пока Тэсс убеждала себя, что не ослышалась, раздался уже другой голос, более зычный и низкий.

— Его зовут Ванкрам ле'Горн. Как Стрижиного Короля из сказок матушки Лофур. Я зову его просто Ванк. И ты зови.

Тэсс обернулась и тут же наткнулась на пронизывающий взгляд голубых глаз.

— Привет, красotka.

Недавно прибывший пилот находился в странном положении. По крайней мере, для Тэсс оно было крайне странным: лавиби висел на отвесной скале точно над казарменным входом, прицепившись туда на манер ящерицы. Убедившись, что она его видит, оттолкнулся и, в один прыжок преодолев половину расстояния, приземлился на песок. Затем выпрямился, сунул в карманы руки и неторопливо пошел навстречу.

— Только не кричи. И тем более не падай в обморок. Он просто пижон.

Незнакомец действительно был лавиби. Вытянутая морда, острые, хотя и слишком мелкие для этого народа зубы, густая шерсть, сильно отросшая на загривке и собранная в хвост. Глаза были голубыми, как у ло Лирисса... но Тэсс не могла не заметить различия: зрачки оказались узкими, рептилоидными, а цвет — намного ярче. У него в роду явно были ки. Об этом можно было догадаться и по плавным, бесшумным движениям. Барсук шел, почти не оставляя на песке следов.

Он приблизился. Колочий взгляд разом просветил ее насквозь, довольно откровенно замер на груди и бедрах, а затем вернулся к лицу. Тэсс ощутила желание отойти подальше или — было бы даже лучше — что-нибудь на себя накинуть. Что-нибудь мешковатое.

— Нравится? — лениво спросил незнакомец и указал пальцем на самолет. Палец был тонкий, изящный, с таким же тонким, совершенно небарсучьим когтем.

Тэсс вполне искренне кивнула и, надеясь, что к щекам не прилила краска смущения, произнесла:

— Он очень красивый. Ваш? В смысле, вы...

— Давай на «ты», пожалуйста.

— Ты сам собрал его?

— Да. Моя первая работа. Первая любовь. Первый друг.

И он улыбнулся, щеря тонкие белые клыки.

— Брось, приятель, я сейчас расплачусь. Или же меня вырвет, — встрял самолет.

— Заткнись, Ванк, — лавибби фыркнул и махнул рукой, после чего сделал к Тэсс еще шаг. — Новая любовница отца?

На этот раз она действительно растерялась — и от резкой перемены темы разговора, и от самого вопроса, и заметив, что язык у незнакомца раздвоенный.

— Нет! Ты спятил? Я... ничья любовница! То есть...

Она хотела поправить саму себя и заметила, что незнакомец улыбается, уже куда более развязно и хитро:

— Славно. Тогда что ты делаешь здесь?

— Живу...

Он покосился на океан, потом снова уставился на Тэсс.

— Я тоже. И еще несколько дней назад тебя здесь... что это у тебя?

Она не поняла, куда именно посмотрел незнакомец. Он просто шагнул навстречу, сделал неумовимое движение и оказался за ее спиной. В следующее мгновение Тэсс ощутила, как что-то холодное коснулось ее шеи.

— У тебя есть нож? Ла не должны носить оружие...

Тэсс не успела испугаться. Она даже не сразу вспомнила, о каком ноже речь, только через пару мгновений догадалась: о купленном вчера в оружейной лавке. Просто потому что она решила...

— ...если не умеют пользоваться им. Любой встречный им же тебя и убьет.

Она дернулась. Но хватка поперек плеч была крепкой, сдавливала ровно настолько, чтобы обездвигнуть. Тэсс попыталась ударить локтем в твердый, будто каменный живот. Лавибби негромко, довольно мелодично рассмеялся ей в ухо:

— Кстати, у тебя вкусно пахнут волосы. Как тебя зовут? Мне нравится, что ты не завизжала.

Тэсс пихнула его сильнее. Ничего не изменилось, а на ее локте уже, должно быть, появился синяк.

— М-м-м?

— Не лучший способ знакомиться, не находишь? — холодно процедила она сквозь зубы.

— Напротив. Наилучший, пожалуй. Кстати, меня зовут Варджин. Джин — так часто сокращают, особенно девушки.

— Глупо, — сообщила Тэсс.

— Девушки любят глупости.

Он не использовал слово «самки». Жаль, никаких гарантий безопасности это не давало. В очередной раз дернувшись, она заявила:

— Не я.

— Не я — это кто? — выдохнул лавибби ей на ухо. — Да ты вся весьма приятно пахнешь...

— Хватит! Ладно. Я...

— Эй, разрядить обойму тебе в голову? Отпустил, быстро!

В воздухе прогремел выстрел. Варджин выпустил Тэсс, и они оба развернулись.

* * *

Прищуренные глаза Джера скользнули по черной куртке и сосредоточились на лице Варджина. Ноздри дрогнули. Джер оценивал обстановку... и то, что он учуял, вряд ли ему понравилось. Винтовка по-прежнему была поднята, хотя угрозы вроде бы больше не было. Тэсс ощутила привычное раздражение.

— Перестань, ло капитан. Ничего он мне не сделал.

— Просто не успел ничего сделать? — уточнил Джер, приближаясь. — Эй. Ты кто?

Варджин тоже подступил ближе: сделал один, хотя и довольно широкий шаг. Он не отвечал. Тэсс видела, что у нового знакомого дрогнули ноздри, ловя запах. Хвост — слишком длинный для барсука, но недостаточно длинный для ки — не дергался. Руки были расслабленно опущены. Вся поза, особенно прямая спина, выдавала спокойное, полное достоинства любопытство. Вряд ли Варджин собирался атаковать. И все же Тэсс предпочла поравняться с ним, а потом и вовсе выскочила вперед.

— Все в порядке, — сказала она, не уверенная, кого из них увещевает. — Он просто...

— Где ты находишь дружков, от которых вечно неприятности... — перебивая, прошипел Джер. — Одного раза мало? Сидела бы в норе...

Краска начала приливать к шее, потом к ушам, но Тэсс не опустила глаз. Ей одновременно хотелось ударить его и разреветься, но лучше было удержаться и от того, и от другого. Тэсс парировала:

— По крайней мере, я не приветствую всех винтовкой. Ты явно забыл, у кого живешь... и благодаря кому сюда попал.

Джер ощерился:

— За последнее я уже отблагодарил, не проломив твой череп, когда...

— Опустит ствол, — произнес Варджин, обрывая их. — Так будет лучше. Я никому не причиняю вреда... в моем собственном доме.

Тэсс обернулась и заметила: он перестал принюхиваться. Выражение глаз изменилось: стало таким же мягким, как голос, но это не была заискивающая мягкость. Джер, кажется, понял. Он сдался. Его ноздри дрогнули, руки опустились.

— Нет, — пробормотал он недоверчиво. — Не может быть.

Варджин улыбнулся. Рука коснулась руки Тэсс, аккуратно вложила туда нож. Лавибби преодолел несколько шагов, которые отделяли его от Джера и, оказавшись почти вплотную, кивнул:

— Я — твой старший брат, Варджин. Ты... видимо, тот самый Джер, ребенок из последнего выводака отца. Капитан живого корабля.

— А по-моему... — вмешался самолет, который молчал все время этого знакомства, — он какой-то отвратительный невоспитанный бродяга. Ни стати, ни...

Джер тяжело уставился на него. Самолет завершил мысль:

— ...ни воспитания. Даже смотрит он грубо. И на кого? На меня! Видишь? На твоём месте я не общался бы с этим типом.

Странно, но Джер не стал вступать в перепалку. Он не сводил глаз с гладкого носа крылатой машины. Трудно было понять, о чем он думает.

— Ты Зодчий? — тихо спросил он.

Варджин кивнул, затем оглянулся на самолет и неожиданно строго отчеканил:

— Перестань, Ванк. Это тоже не слишком вежливо.

— Слушаю и повинуюсь.

Тэсс была почти уверена, что самолет издал что-то вроде презрительного фырканья и остался при своем мнении. Варджин опять взглянул на Джера с высоты своего роста.

— Когда-то в нашем роду было много Зодчих. Может, отец говорил тебе, что ведет его от одного из семнадцати пиратов, основавших Такатан. Флотилии всех них были живыми.

— Я не спрашивал о нашем происхождении. Предпочитаю жить настоящим.

Тэсс видела: Джер слушает с жадным любопытством, просто, спохватившись, пытается это скрыть. Вряд ли Варджин мог это не заметить, но лишь кивнул:

— Верный путь.

— Ло Варджин!

— Он здесь!

— Вернулся!

Нестройные голоса донеслись со стороны казарменных нор. На берег уже выходили охранные, многие из которых даже не успели снять боевого облачения. Широко улыбаясь, они спешили к Варджину, хлопали его по плечам, что-то говорили. Кажется, солдаты любили своего молодого правителя. По выражениям лиц было видно, что они радуются встрече.

— Не подумал бы, что он может водить дружбу с ними...

Джер сказал это скорее себе, чем Тэсс, и она не стала отвечать. Сквозь окружившую его маленькую толпу Варджин поглядывал на них. Тэсс отвела глаза.

— Он ничего тебе не сделал?

На этот раз Джер обращался к ней. Смотрел в лицо, принохивался. Тэсс, испытывая раздражение и облегчение одновременно, покачала головой:

— Просто по-дурацки шутил.

— Вот как...

Тон был задумчивым и явно недоверчивым. Тэсс хотела что-нибудь добавить, но Джер, точно что-то для себя решив, наконец кивнул:

— Хорошо, самка. Не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. Мне слишком дорог голос Ласкеза. И спокойствие доктора.

— Вот как... — в тон ему ответила Тэсс.

Джер сухо кивнул. Он уже смотрел вверх ее плеча. Тэсс обернулась: навстречу со стороны скалистых нор, прихрамывая, спешил ло Лирисс. Вряд ли он мог не встретить сына. *Любимого* сына. Тэсс показалось, она услышала, как Джер тяжело вздохнул.

— Сегодня должен прибыть поезд Ласкеза... — пробормотал он. — Пошлю радиограмму.

Повесив винтовку, он быстро направился прочь.

— А вы похожи, — бросила ему в спину Тэсс.

Джер не обернулся.

3. Известная личность

— Мое имя — на вашей книге, — сказал он, когда Хава спросила, как его зовут. На переплете значилось:

Хо' Аллисс.

Признаться, она испугалась. Но поезд уже стучал колесами, и бежать было некуда. Впрочем, Хаве и так-то было некуда бежать, даже если бы она и выбралась из вагона.

...Бояться она начала не в поезде, — намного раньше. Когда удрала с набережной, когда неслась куда-то, не разбирая дороги и захлебываясь слезами. Ей казалось, алопогонный все еще ее держит. Хотя ее уже никто не держал.

Наверное, она немного сошла с ума, потому что вообще ничего не помнила до того самого момента, как что-то большое и блестящее не вылетело ей наперерез. Боком и правой коленкой девочка ударилась об мостовую, а совсем недалеко от ее головы свалились два тяжелых чемодана.

— Ветра великие! Вы в порядке, ле?

Она лежала, зажмурившись. Боль накатывала волнами, то сильнее, то слабее. Голос тоже напоминал волну, которая никак не могла пробиться в ее сознание, — Хава не понимала, о чем ее спрашивают. Ее легонько тронули за плечо.

— Ну же, очнитесь.

К ней склонился длинноволосый и бледный мужчина. Он был одет в яркую лиловую рубашку, коричневый жилет и прямые коричневые крэ. Шею под жилетом расцветчивал галстук, завязанный двумя небрежными кольцами, — *бангатана* с блестящей на узле булавкой. Глаза прикрывали круглые очки с желто-оранжевыми стеклами.

— Благодарю, что убили меня... — пробормотала она. Ее тело как будто раздавили.

Холодная унизанная кольцами рука быстро легла на лоб, потом на затылок.

— Куда вы так торопились? Ударились... Садитесь, я вам помогу.

Она села, с усилием вцепившись в его жилистую руку. Посмотрела на стоящий сбоку большой старый велосипед с блестящим рулем. На чемоданы. И тихо шепнула:

— Извините. Все хорошо, я...

Мужчина подвинул очки к кончику носа. Проникновенно посмотрел на Хаву исподлобья и улыбнулся:

— Вы беглянка...м-м-м... не так ли?

Хава вздрогнула. Осознав, что могла выдать себя, она торопливо помотала головой. Незнакомец слегка пожал плечами:

— Хорошо. Не говорите. Думаю, вас надо отвести в ближайший штаб серопогонных, чтобы вас вернули домой. И...

— Я беглянка, — понуро призналась Хава.

Незнакомец хмыкнул. Хава подумала, что сейчас он расскажет ей, насколько это нехорошо. Но услышала другое:

— Славно. Так я и думал. И откуда вы бежали?

— Из этого города.

...И мира.

— А куда?

— В Галат-Дор.

— И за сколько вы надеялись туда добежать?

Он рассмеялся, видно, сочтя свою шутку крайне удачной. У него была чрезвычайно подвижная мимика: то и дело вскидывались брови, поднимались и опускались уголки губ, раздувались ноздри. Части лица точно жили жизнью, отдельной друг от друга и от хозяина. «Застывало» его лицо лишь в редкие мгновения — когда светло-серые глаза встречались с глазами Хавы. Тогда выражение становилось вдруг цепким и спокойным.

— Я ни на что не надеялась. Просто бежала. Иногда это единственный выход.

— Как знакомо...

Все разрозненные части его лица успокоились. Хава промолчала. Незнакомец пригладил черные гладкие волосы и тревожно огляделся.

— Вас преследуют?

Хава кивнула без особой уверенности. Алопогонные могли о ней забыть, учитывая, сколько у них было дел, и...

— Тогда надо уходить. Быстрее!

Прежде чем Хава успела что-нибудь сказать, он бесцеремонно подхватил ее под мышки, поставил на ноги и подтянул поближе к велосипеду. Небрежно закидывая чемоданы на багажник, наспех приматывая их веревкой, незнакомец одновременно распорядился:

— Сядете сзади, вы маленькая. Держитесь крепко, у вокзала много машин и сумасшедших. Будете моей помощницей, так и запишем. Писать-то... умеете?

— Умею! — машинально ответила Хава, хотя ничего не поняла. — Но...

— Тогда быстрее! Я посажу!

— Но я...

Он подхватил ее вновь и почти закинул на длинное кожаное сидение. С щелчком ушла вверх опора, благодаря которой велосипед держал равновесие. Звякнул колокольчик. Незнакомец оттолкнулся, крутанул педали и уже на ходу сам уселся в седло.

— Цепляйтесь! Люблю, когда меня обнимают юные ла, этого не было уже с десятков юнтанов! — он хохотнул.

— Куда вы меня тащите?

Хава вцепилась в него. Но сама мысль — что незнакомый (и, возможно, чокнутый) человек увозит ее в неизвестном направлении, — очень ее беспокоила. А если...

— Вы... не алопогонный? — сдавленно спросила она.

Велосипед вильнул, едва не стесав угол какого-то дома. Мужчина обернулся, его лицо помрачнело.

— Посмотрите мне в глаза еще раз, если вы о чем-то забыли, ле. Я надеюсь, что спасаю вам жизнь. Цените то, что я пока не задаю вопросов.

Он начал быстрее крутить педали, выворачивая на большую мощеную дорогу. Хава схватилась за него покрепче. Черные, до середины лопаток, волосы, в которые она невольно утыкалась носом, пахли чем-то то медицинским и ненастоящим. Потом, в поезде, Хава поняла, что это парик. Совершенно лысый незнакомец вез полчемодана подобных — рыжих, черных, белых — и объяснил:

— Иногда совсем не надо, чтоб тебя узнавали. Полезнее иметь разные лица, но волосы тоже сойдут.

Тогда же она начала понимать, что попала в какую-то странную историю. А еще — что по каким-то причинам слово «алопогонные» лучше не произносить вслух.

— Мое имя — на вашей книге.

У человека, щедро выдававшего Хава за свою помощницу, была тайна. Но он тоже направлялся в Первосветлейшую, и билет у него был на двоих. А еще он все еще не задавал вопросов. Это заставило ее со многим примириться.

* * *

Золотой Голубь конструировался как прогулочный поезд, он славится неторопливой красотой своего маршрута. Его остановки чрезвычайно длинные, самые большие — в Аджавелле, Рймене и Галат-Доре — занимают по половине вахты. В городках поменьше он может стоять час. Кажется, он вообще больше стоит, чем движется.

На Золотом Голубе не ездят те, кто спешит, потому что успеть куда-то на этом поезде невозможно. Если, конечно, в запасе нет вечности. Золотой Голубь, едущий через леса, горы, озерные долины и побережья, — поезд для тех, кто ищет себя или собирает себя по осколкам.

Это рассказывал *Хо' Аллисс*. И уточнял, что в представлении Единой Железнодорожной Компании те, кто ищет себя, — писатели, артисты, художники и прочие личности, несущие людям прекрасное. Те же, кто собирает себя по осколкам... большинство их — раненые и проходящие реабилитацию военные. Жертвы катастроф. Смертельно больные, совершающие последнее путешествие, прежде чем быть зарытыми в землю и прорасти. Всем ведь нужны новые впечатления, как чтобы спокойно жить, так и чтобы спокойно умереть. Золотой Голубь создавался, чтобы стать в своем роде спасителем. Его брат, гигантский корабль Золотой Китрап, курсирующий по красотам Малого мира, — тоже.

Хава тогда подумала, что ей они как раз очень даже нужны — впечатления. Что она ищет себя и одновременно собирает по осколкам. Она сказала:

— Иногда это одно и то же.

— Что? — спросил *Хо' Аллисс*, лукаво поглядывая из щелки в разделяющей купе ширме.

— Искать себя. И собирать по осколкам. Осколки могут потеряться, если они маленькие.

Хо' Аллисс улыбнулся.

— Подходит для сцены, над которой я сейчас работаю. Не люблю, когда мои герои рассуждают философски, сам я так не умею.

И он застучал по кнопкам, вдохновенно высунув кончик языка. Напечатал, выпрямился и подмигнул Хаве:

— Вообще-то это литературное воровство, и обычно я такое себе не позволяю. Лучше писать про то, что понимаешь. Но понимать все на свете невозможно, даже если ты писатель. Ты не против?

— Да пожалуйста, — хмыкнула Хава и забралась на койку с ногами. За окном золотились убранные *ганган*, синие яблони.

— Ты хорошая ассистентка. Даже лучше, чем я думал. Эницит должна была лишь вовремя покупать мне краску, планировать день и следить, чтобы я ел.

Хава закусила губу. На душе было скверно. Потому что — уже не впервые — она подумала о том, как ловко пристроилась на чужое место.

Нет, конечно, она обворовала не Эницит Лон — *ка́ми*, которую *Хо' Аллисс* нанял в качестве помощницы и с которой как раз должен был отбыть в Первосветлейшую. Эницит

Лон, уже нанявшись на эту должность, внезапно нашла мужчину. По ее собственным словам, «любовь всей ее жизни», по словам писателя, — «очередного тупоголового борова». Работа, сопряженная с длительными разъездами, стала ей не нужна. Получив отказ слишком поздно, новый знакомый Хава ехал в скверном настроении на вокзал, когда прямо под колеса выскочила...

...она. А ведь на ее месте наверняка хотела бы оказаться Ева.

И хотя Хава вновь назвалась этим именем, сути это не меняло. Ее собственная мечта разбилась, и она просто стащила чужую. Пусть случайно, пусть не успев даже опомниться и понять, что делает... но стащила.

А ведь еще не стоило забывать, что она бросила людей, которые относились к ней по-доброму. Бросила как раз под ногами у своей первой мечты с алыми погонами. И собирается уничтожить этих людей, добравшись до столицы. Подходящие для этого слова уже были заготовлены в голове.

«Я вестиянка. Меня похитили. Увезли против моей воли путешественники, которых звали...»

Яблонева роща кончилась. Поезд выбрался к воде, и Хава стала на нее смотреть.

Океан был сонным, спокойным, нежно-голубым. На Веспе вроде и вовсе не бывало таких светлых дней. Время ветра Сбора близилось к концу, но холодный полумрак ветра Сна все еще казался далеким. Светили рассеянные мягкие лучи Зулура.

Да, это было безмятежное, прекрасное побережье, по которому так приятно неспешно двигаться вперед. Хава прильнула к стеклу, жадно вдыхая соленый запах сквозь приоткрытое верхнее окно. Она даже не сразу заметила, что стих стук печатной машинки.

— Мы на кладбище, мой дорогой друг. Полюбуйся...

Хава резко дернула ширму вбок. Хо' Аллисс, до того сидевший посередине своей убранной постели, перебрался в угол, к окну. Машинку он оставил. Немигающий взгляд вперился в синюю полосу океана.

— Что такое...

— Место, где лежат мертвецы, — не дослушав, пояснил писатель.

Вода изменилась. Она стала темной, но все равно не такой, как на Веспе. Веспанский океан лишь впитывал серость нависшего над ним голого Небесного сада. Этот же... этот океан, кажется, скрывал ночное небо в самой глубине. Хава подтянула к себе плед и укуталась.

— Холодно...

За окном неторопливо бежала полоска песка, утыканного скалами. Впереди — там, где скал становилось больше, — выросла маленький, довольно уродливый городок. Но железная тропа, которую Хава пока еще не совсем привыкла называть рельсами, туда не заворачивала. Она прорезала склон. Хава поняла это, когда пронзительно глубокая звездная вода и ослепительно белый песок пропали. Купе поглотила темнота, одновременно снова стало тепло. Тепло, но все еще беспокойно. Там, в городке, на дне и среди скал что-то таилось. Наверняка оно увидело Золотого Голубя. Возможно, даже облизнулось.

— Почувствовала?

Хава вздрогнула и увидела вспыхнувшую россыпь маленьких желтых огоньков. Они тянулись ровными рядами и, оказывается, прятались на корпусе печатной машинки. Огоньки осветили бледное лицо писателя.

— Как существо сугубо ночное, я не мог не оборудовать ее подобным образом.

Нравится?

Хава заметила, что светятся и кнопки. Кивнула.

— Б-р-р. Неприятное место. Но оно вряд ли могло бы быть другим.

— Почему?

Ей хотелось пододвинуться к огонькам — единственным в купе капелькам света.

— Это Аканар. Здесь угасло слишком много жизней и разбилось слишком много надежд. И так было всегда.

Хо' Аллисс говорил, глядя на нее серыми, влажно блестящими глазами. Хава прошептала:

— Большой мир такой... странный.

— А ты из Малого? — мягко уточнил он.

— Примерно.

Она все еще не решилась признаться. Казалось, лучше соврать. Впрочем, Хо' Аллисса, видимо, занимали собственные мысли. Он не стал допытываться и спросил о другом:

— Ты не пишешь, Ева? Ты довольно интересно размышляешь.

Все те же мысли — об украденной мечте — вновь захватили ее. Хава вдруг порадовалась темноте.

— Нет-нет, что вы, я больше люблю технику, расчеты.

— А то я могу нанять тебя на постоянной основе. Ты милая и внимательная. Если...

— Я... нет, у меня другие планы.

— Жаль. Но я не настаиваю.

Он улыбнулся, рассеянно похлопал себя по лысой макушке и принялся что-то печатать. Наступила тишина, но Хава вскоре ее нарушила.

— Сколько вам лет? — тихо спросила она. — Вы кажетесь очень молодым...

Он засмеялся.

— Где-то внутри я молод. Хотя сквозь меня скоро должен прорасти хлеб. Можешь вычислить что-то среднее, раз уж любишь считать.

— А откуда вы родом?

Он взглянул на Хаву.

— Вопросы, мой друг. Разве мы так договаривались? Вот если бы ты захотела быть помощницей, я бы, может, и пооткровенничал...

— Извините, — пробормотала Хава.

Они выехали на свет, и ей пришлось прикрыть глаза ладонью. Через какое-то время глаза привыкли, девочка выпрямилась и сложила руки на коленях. Она увидела воду — снова спокойную и нежно-голубую. Потом посмотрела на Хо' Аллисса. Машинка погасла. А его глаза наоборот лукаво сверкнули:

— Можешь почитать. Насколько я вижу, ты не осилила и пяти страниц. Прочтешь — многое узнаешь. Кстати... это называется рекламой.

Хава кивнула. И задумчиво полезла под подушку за книгой.

* * *

Тьма, вышедшая из Холодных Хором и пришедшая в тот маленький городок, была смуглой и крылатой. Тьма решительно шагала — красивая, дикая, незнакомая. И у многих ее

порождений были желтые, как донный морской камень, глаза. В тот день, когда дитя Тьмы постучало в первую дверь, почти все уже знали, что теперь все будет не так, как прежде.

Но до всего этого были поиски и испытания. До всего этого были они.

Хоромы.

Тьма пряталась там, и туда приходили те, кто растил Тьму. Их было пятеро — Близнец, Механик, Мечтатель, Страж и Поэтесса. Была еще дочь Механика, Замарашка, у которой не было никакого иного прозвища.

Тьму нашли случайно, когда она смотрела в небо, пока складывала первые кораблики и звала к себе первых птиц. Сила Тьмы отличалась от всего, что знал старый, продрогший, расколотый и сшитый заново мир. Тьме были подвластны звери и природа, и живые вещи, и их Зодчие, а сильнейшим — даже те, кто уже пророс и чью тэ разнес ветер.

Уже тогда те шестеро поняли, что дыхание Тьмы есть не только в них. Дыхание Тьмы было дыханием тэ, и многие несли его в себе, но, не пойманное в нужный миг, дыхание исчезало. Ловить его лучше всего было в детстве. И шестеро принялись за дело.

Тьма получила особенное название, из самых древних историй. Название это ныне произносят со страхом. Власть ее должна была стать великой, благородной и прекрасной. И власть ее должна была рассеять ложь.

4. Помнишь меня?

Аджавелл — ветреный город.

Стоило лишь ступить на верхнюю, ведущую из вагона ступеньку, как порыв ледяного неприветливого сквозняка обжег щеку, растрепал волосы и едва не сдернул с шеи небрежно повязанный шарф. Ласкез поморщился. Таура недовольно фыркнула и спряталась за его спину.

— Как противно...

Он кивнул, но не ответил. Сейчас его беспокоил далеко не только холод. Волнение крепло с того момента, как он проснулся. Усиливалось, пока Ласкез спускался по ступеням, подавал руку Тауре, прощался с одетой в опрятную форму женщиной-проводником и вместе со шпринг шагал к багажному вагону и оттуда — к Центральному флигелю.

Он поразительно отличался от уютных «ребер» Такатанского вокзала. Тут не было ни деревьев, ни прозрачных потолков, ни золотистых начищенных динамиков на стенах. На пяти или семи этажах располагались кафе и лавки: в каждой свет был свой, от болезненного бледно-желтого до голубого. Чем выше этаж, тем сильнее заведения тянулись друг к другу. Пространство неумолимо сужалось куполом. Маленькие окна серыми прямоугольниками висели уже под самым потолком.

Ласкез опустил взгляд и заметил большую желтую табличку с чемоданом.

— Давай оставим вещи. Я не думаю, что тащиться с ними к Рониму... Таура?

Она остановилась в паре шагов сзади, задрала голову и прижала уши. Девушка задумчиво смотрела в застекленное небо. Другие пассажиры Белого Оленя, торопясь к выходу, толкали ее. Многие еще и оборачивались через плечо и недовольно или недоуменно морщились. Ласкез услышал, как старая женщина-ками пробормотала сквозь зубы: «Маломирье...»

— Что с тобой? — Ласкез приблизился и взял Тауру за руку.

— Я чувствую... — пробормотала она и осеклась. Затем встряхнулась, отвела глаза от окон и посмотрела на Ласкеза. — Извини. Мне... наверное, кажется. Скорее всего, кажется. Неприятное место, да? Но зато тут так много моих...

Он не стал ни допытываться по поводу ее предчувствий, ни указывать на очевидное: темный давящий вокзал к себе не располагал. Зато последнее...

— Здорово.

И он улыбнулся.

Шпринг действительно было много: чистокровные и полукровки, рыжие, пятнистые, черные, белые, они чрезвычайно деловито двигались в разных направлениях. Или празднично сидели в кафе, попивая черножар, поедая сладкие вафли, с мурчанием вылизывая друг друга. Остроухие головы, большие внимательные глаза, подрагивающие вибриссы. Ласкезу в жизни не приходилось видеть столько кошек. Приглядевшись, он также обнаружил немало ки и ками. А вот барсуков и приматных почти не встречалось.

Вещи они оставили в таком же темном, как все остальные, полуподвальном зале. Едва поднявшись обратно наверх, Ласкез прямо на ходу погрузился в изучение адреса, по которому должен был находиться *ярд* Ронима. Шестой заакваторный район, проулок Крылатой Лошади, здание 45-д.

Даже ло Лирисс со всем его влиянием не заставил бы координационные службы

оборонно-карательной Длани нарушить устав. Дом детектива остался неизвестным, а вот получить сведения о месте службы удалось. Да и, пожалуй, заявиться туда было бы меньшей наглостью, чем встретить Ронима у порога квартиры. Впрочем... внезапное появление, как ни крути, было наглостью. Теперь, по мере приближения встречи, Ласкез постоянно думал об этом. Сдавая вещи. Пересекая флигель. Выходя на стоянку, где ютились под усилившимся ливнем горбатые разноцветные машины.

Водителем стала миловидная жилистая ки с поблескивающей красно-рыжей чешуей. До того как добраться до нее, Ласкез переговорил с несколькими мужчинами-шпринг, но они, завидев адрес, не выказывали особого воодушевления. Один даже выругался и вздыбил холку. Ящерка же, сама помахавшая рукой, подмигнула и, когда пассажиры сели, сообщила:

— Редкая удача — клиенты в ярд серых. Хоть раз не пришлось грызть за вас глотки этим остроухим, да и торговаться.

— Почему они не поехали? — уточнил Ласкез. — Мы... не так выглядим?

Ки включила радио, и в салоне заиграла негромкая, но бодрая музыка. Девушка бросила:

— Доги. — И, подумав, прибавила: — Там все пропитано их запахом и светом, хотя ты, парень, и не заметишь. Трусливые задницы — эти остроухие.

Автомобиль легко вклинился с развязки на ровную многополосную дорогу. Ки не спешила и не задавала вопросов; и за то, и за другое Ласкез был премного благодарен.

Таура прилипла к стеклу: она созерцала огромные, никак не ниже двух дюжин этажей, дома с подсвеченными окнами. Кажется, девушка даже тихонько мурлыкала от восторга. Ласкез ощутил что-то вроде облегчения: давно уже шпринг не издавала этого звука. А ведь под Кровом он слышал ее мурлыканье чуть ли не каждый день.

— Да-да, подруга, у нас тут необычно, — не оборачиваясь, заявила ки. — По делу приехали?

Вопросы все же начались. Ласкез поморщился, полез во внутренний карман и вынул разговорную тетрадь. Болтать не хотелось, он сделал вид, что увлеченно читает, хотя на самом деле не собирался пропускать ни слова из ответа шпринг.

— Мы... хотим навестить друга. Вот.

— Славно. У меня тоже много дружков среди серых. Они — самая вменяемая шушера этого чокнутого местечка.

— Шушера? — осторожно переспросила Таура.

— Чокнутого местечка? — прибавил Ласкез.

Машина встала в потоке других. Ки рассмеялась, а потом вынула из бардачка трубку и травяной мешочек. Поглядывая в зеркало заднего вида, принялась набивать.

— Да-да. У нас здесь кошки. Куча кошек. И они много о себе думают, а это заразно.

— Мы вовсе не такие, — с легкой обидой произнесла Таура, подумала и добавила: — Ну... не все.

Машины тронулись. Ки закурила. Она не уточняла, имеют ли пассажиры что-то против дыма, и Ласкез невольно подумал, что «это» — много о себе думать — и правда заразно.

— ...А серые видят столько дряни и испражнений нашего красивого города, что невольно сохраняют ясные головы. Даже чокнувшись.

— Чокнуться и одновременно остаться с ясной головой... — начал Ласкез.

— ...вполне возможно, приятель. — Колечко дыма, постепенно расширяясь и тая, поплыло к нему. — Думаю, ты поймешь. В последнее время творятся совсем странные дела. У нас здесь гости...

— Гости?

Уже переспрашивая, Ласкез наткнулся взглядом на надпись в разговорной тетради, сделанную карандашом, но не стертую — это был секрет.

«Может, тебе стоило бы меня бояться. У меня есть прошлое» — надпись была сделана рукой Ронима.

А дальше шла неуверенная приписка Ласкеза:

«Я не боюсь. Прошлое есть у всех».

Ки выпустила еще немного дыма, кивнула, и ее глаза сузились:

— Ну да. Гости. Недавно появились красные крысы на своих драндулетах.

Ласкез не отвечал. Его взгляд был прикован к тетради. Он взял ластик и принялся стирать написанное.

— Знаете, мы чуть ли не единственный большой город, где их не так много. В Такатане у них гнездо. И в Галат-Доре. На Веспе они кишмя кишат. У нас получше, может, их дубленые шкуры не выдерживают ветра. И тут нате вам! Мало того, что появились скопом... так говорят, еще и привезли кого-то. Заключенного, какую-то шишку. Сама не видела, но говорят, запрудили всю Осевую улицу, и эти их флажки...

Она говорила и говорила, невнятно и глухо из-за зажатой в острых зубах трубки. Ласкез чувствовал, как Таура, вдруг схватившая его за левую руку, стискивает дрожащие пальцы. И уши, и губы у нее дрожали. Глаза блестели. Ки тоже все это заметила, но поняла иначе:

— Не любишь дым, подруга? Так бы и сказала.

Она с виноватым видом принялась гасить трубку, даже открыла окно. Но Ласкез прекрасно понимал: дело вовсе не в том, что салон машины уже превратился в туманную пещеру, пахнущую жжеными сладкими травами. Просто Таура, вероятно, подумала, что знает, *кого* привезли в этот город.

И она могла быть права.

Ласкез не стал высвобождаться. Наоборот, крепче сжал пальцы шпринг в ответ. Остаток дороги они ехали практически молча.

* * *

Ярд 45-д напоминал хорошо подсвеченную, чистую, удобную клетку. Одну из полудюжины одинаковых клеток, стоящих на общем неогороженном пространстве и соединенных по некоторым этажам горизонтальными галереями и спиральными лифтами. Окна оказались большими, и в них все было видно.

Здрав головы, Таура и Ласкез наблюдали за мужчинами и женщинами — одетые в знакомую форму, они возились с документами, ходили туда-сюда, говорили друг с другом. Казалось, вовсе не замечали, что за ними следят. Или просто привыкли?

Этажей в «клетке» Ронима было двадцать пять. Помещений — скорее всего, десятки, а обитателей — сотни. Как найти одного-единственного? Но чтобы не паниковать еще больше, Ласкез просто пошел ко входу. Таура держалась вплотную, ее уши и вибриссы подрагивали.

— Доги воют... — пробормотала она. — Как их много...

Ласкез улавливал лишь монотонный гул и не мог, да и не хотел сосредоточиться на этом звуке. Поднявшись по ступеням, он взялся за ручку двери — стеклянной, как почти все вокруг, ледяной и гладкой. Затем открыл ее и впустил шпринг первой. Потом вошел сам, уже

готовясь к приветствию вроде: «Гражданские? Убирайтесь!»

Но сидящий за стеклянным столом дежурный — пушистый дымчатый шпринг в серой форме — только рассеянно моргнул и, поздоровавшись, уточнил:

— К кому вы, ле?

Помещение было полупустым: ничего, кроме этого стола и нескольких диванов у дальней стены. Еще дальше — за спиной дежурного — темнел перегороженный турникетом проход к лифтам и лестнице. Шпринг поправил очки и улыбнулся:

— Может, какие новобранцы?

У Ласкеза колотилось сердце. И заколотилось еще сильнее, едва он услышал вопрос — даже ладони вспотели. Выдохнув, он как можно увереннее ответил:

— Мы... к старшему детективу Грингроссу.

Произнеся это, Ласкез стал лихорадочно придумывать ответ на вопрос «Кем он вам приходится?» Слово «друг» казалось громким — теперь, когда Ласкез вырос. «Родственник» было бы дурацкой ложью. Честнее всего было сказать...

— Нам очень нужно его увидеть.

«Он единственный, в кого я еще верю».

Но шпринг вообще ничего не спросил. Он просто придвинул плоский старый телефон, поднял трубку и, быстро перелистнув лежащую перед ним тетрадь до конца, набрал номер.

— Отдел убийств, группа 36? Дежурный Вуцки. Детектив Грингросс на месте? К нему гости. Вероятно, он их ждал. Пропустить или он спустится? Хорошо. — Вернув трубку на рычаг, дежурный поднял глаза. — Проходи, парень. Оба проходите. Двенадцатый этаж, на двери будет номер 36. Налево.

Под столом оказалось несколько выступающих круглых кнопок. Шпринг опустил ногу на крайнюю, и турникет за его спиной бесшумно поднялся, открывая путь к лифтам.

— Благодарю! — сдавленно сказал Ласкез.

Таура уже в который раз вцепилась в его руку, но сейчас скорее успокаивающе, чем пугливо. Она даже улыбнулась.

— Парень, вы... не из Малого мира?

Вопрос догнал их уже возле лифта, и Ласкез так сильно вдавил кнопку вызова, что руке стало больно. Он обернулся. Дежурный улыбался.

— Да. Оттуда.

Шпринг явно хотел спросить что-то еще, но лифт уже приехал. Ласкез торопливо шагнул в полутемную кабину, нажал «Закрыть дверь» и, едва лифт со скрипом тронулся вверх, привалился спиной к стене и зажмурился.

— Ну-у, — услышал он голос Тауры. Она уже не держала его за руку. — Хватит бояться. Ты глупо выглядишь.

Ласкез приоткрыл один глаз. Шпринг приглаживала волосы перед мутным зеркалом.

— С чего ты взяла, что я боюсь?

— С того, что ты боишься, — отозвалась она. — Не могу объяснить. Если бы ты был котом, у тебя бы шерсть стояла дыбом.

Он не ответил. Лифт полз медленно. Казалось, невыносимо медленно, будто специально. Ком в горле становился все ощутимее, дрожь в коленях усиливалась. Ласкезу даже казалось, что он вот-вот потеряет дар речи. Как тогда, когда Тэсси...

— Так здорово, Ласкез, — очень тихо произнесла Таура, глядя в пол. Эта фраза почему-то сразу заставила Ласкеза взять себя в руки. Он вопросительно посмотрел на шпринг. Она

продолжила:

— Джер нашел семью. И ты нашел... ну... что-то, что почти семья. Может быть... мы все найдем?

Ласкезу стало не по себе. Он в очередной раз подумал, что мог бы быть к шпринг повнимательнее. Пожалуй, стоит вести себя как подобает защитнику, а не трясущейся девчонке. Чего он, в конце концов, боится? Что Роним просто прогонит его, формально сказав что-нибудь вроде: «Рад был тебя повидать»? Пусть. По крайней мере, можно надеяться, что он их не сдаст. Разочаровываться в чем-то после длительного ожидания довольно больно. Но не смертельно. И это помогает многое обрести. Например, свободу от собственных иллюзий. Детских заблуждений. Беспочвенных надежд.

Лифт остановился. Двери с легким скрежетом разъехались. Ласкез сделал вдох, вышел, сразу повернул голову влево, в поисках таблички с номером, но...

— Здравствуй, Ласкез.

Он вздрогнул и посмотрел вперед. Серый детектив стоял шагах в пяти.

Казалось, он не изменился. Только форменный плащ, небрежно накинутый на плечи поверх рубашки, стал потрепаннее. Немного отросли волосы, острее обозначились морщины в углах губ и на лбу.

— Ты вырос. Здравствуйте и вы, прекрасная ла.

Голубые глаза смотрели прямо — устало, внимательно и немного недоверчиво.

— Здравствуйте, — шепнула Таура.

Она была рядом и ткнула Ласкеза пальцем в спину. Но он все так же стоял как вкопанный, чувствуя, как в висках пульсирует кровь. Ком в горле разросся до невероятных размеров. Когтистый палец еще раз требовательно ткнул в лопатку.

— Ты что, по-прежнему не разговариваешь?

Роним сделал шаг навстречу. На этот раз Таура пихнула Ласкеза в спину всей ладонью, так что ему пришлось сдвинуться с места.

Он заметил, что догнал сыщика в росте, вспомнил, как с трудом доставал даже до его плеча и не особенно надеялся, что вырастет хотя бы на голову. Роним продолжал пытливо вглядываться в его лицо, Ласкез не отводил глаз. Наконец, как в тумане, услышал свой голос:

— Привет. Ты меня еще помнишь?

Какую же ерунду он спросил. Невероятную чушь, учитывая, что при приветствии детектив обратился к нему по имени. Ласкез неловко усмехнулся, собираясь извиниться, но Роним уже произнес:

— Я надеялся, что это будешь ты. Когда снизу позвонили.

Ласкез торопливо кивнул, радуясь, что Роним пропустил сказанное им мимо ушей. Только через пару мгновений — до конца понял суть фразы. Он неуверенно улыбнулся еще раз, протянул руку и сморозил еще одну глупость:

— Да. Это я.

Роним пожал его ладонь. Крепче, чем когда делал это в детстве. По-настоящему, как равному, и это наполнило Ласкеза глупой необъяснимой гордостью. Он ответил таким же крепким пожатием. Этого должно было быть достаточно, чтобы окончательно поверить в реальность происходящего, но, отпуская жесткую кисть, Ласкез признался:

— Не верится, что я тебя нашел.

Он не надеялся — но Роним обнял его: удержал рядом на нескольких мгновениях, посмеиваясь, потрепал по плечу. Наконец Серый детектив отстранился и вновь посмотрел

пристально, но мягко:

— Да. Мне тоже. Я рад видеть тебя.

Он улыбался, но Ласкезу вдруг почудилось в этой улыбке что-то тревожное. А к словам, сказанным сыщиком, почему-то хотелось прибавить еще одно. Например, «живым». Ласкез глубоко вздохнул, пока отгоняя эту мысль прочь, и заговорил:

— Стыдно, но я... пришел не просто так. Нам нужна помощь. Мне, сестре и...

Роним сухо кивнул.

— Миалю. Знаю.

Ласкез заглянул ему в глаза. Сыщик выглядел совершенно спокойным. В отдалении зазвучали тяжелые быстрые шаги. Не оборачиваясь, Роним произнес:

— Пагсли.

Распахнулась одна из дверей. В коридоре появился грузный полукровка в кожаной куртке. Внушительные бивни и приплюснутый широкий нос показывали, что отцом сыщика был ками. Мужчина замер, но почти сразу решительно направился вперед:

— А я-то думаю, куда ты вылетел. Это кто?

Маленькие, заплывшие, но внимательные глаза скользнули по Ласкезу, с восхищенным вниманием задержались на Тауре и вернулись к Рониму. Неожиданно уголки полных губ расползлись в ухмылке:

— Пацан! Тот самый! С подружкой!

Таура покраснела, а Ласкез опустил взгляд. Незнакомец подбоченился:

— Точно! Ты ж весь светишься!

Ласкез опять поднял голову. Он не замечал, чтобы Роним «светился». Видимо, все же недостаточно его знал, да и откуда ему... Незнакомец протянул руку:

— Капра́м Пагсли. Старший детектив, напарник этого угрюмого гения.

Короткие крепкие пальцы сдавили ладонь тисками, Ласкез ответил тем же — насколько смог. Густые, похожие на жесткую щетину брови уважительно вскинулись.

— Славно. Думаю, подружимся. И, надеюсь, с юной ла тоже.

Он подмигнул Тауре, та ответила неуверенным кивком.

— Дружище. — Капрам Пагсли повернулся к Рониму. — Я не думал застать тебя в компании, и, возможно, это не вовремя. Но тебе кое-что пришло. Радиограмма. По выделенному каналу, ну, *ты знаешь*. Из Такатана.

Он отдал длинную узкую бумажку, которую до этого сжимал в левом кулаке. Роним развернул ее, хмуро посмотрел и поднял глаза на Ласкеза.

— Это тебе. Вероятно, от друзей.

Смятая бумага легла на ладонь. Ласкез бегло прочел длинную строчку.

Л. В. Ничего не вынюхивать. Никуда не ехать. Ждать связи. Д.

* * *

Квартира была старая и темная, всего с одной комнатой. Она располагалась в такой же клетке, что и ярд, с одной разницей: клетка была не стеклянная, а каменная, с узенькими, прямоугольными окнами, почти пропускающими свет. Пахло дешевым газовым освещением — примерно таким, к которому Ласкез привык под Кровом. И все же... это был дом Ронима.

Он согласился приютить их с Таурой «на столько, сколько потребуется». Злоупотреблять добротой Ласкез, конечно, не собирался. Правда, теперь, когда он вовсе не знал, что дальше, предложение оказалось как нельзя кстати. Это помогло успокоиться и перестать повторять про себя три коротких указания из послания Джера.

Не вынюхивать. Не ехать. Ждать.

— Мы все выясним.

Они сидели за столом в маленькой кухне. До этого говорили мало. Но, видимо, лицо Ласкеза было настолько встревоженным, что сыщик не выдержал. Его рука легла на плечо, а доги по имени Бино — питомец Ронима — устроил у Ласкеза на коленях свою большую лохматую голову.

— Если бы с твоей сестрой что-то случилось, он бы сказал.

Ласкез кивнул и посмотрел на дымящуюся щербатую чашку с черножаром. Затем он закусил губу и пробормотал:

— Наверное... ты прав.

Бино тихонько заворчал, Ласкез почесал его за ухом. Огонек иллиция мигнул, пришлось тереть переносицу. Роним пересел напротив. Он обхватил свою чашку ладонями и негромко произнес:

— Ты должен все мне рассказать.

Они посмотрели друг другу в глаза. Ласкез снова ощутил унявшееся было сердцебиение. Он испугался пуще прежнего. Ему вдруг вспомнился разговор с Тэсс.

«А если он просто с ними заодно?»

Примерно так Тэсс спросила. Отвратительная мысль. Тем отвратительнее, учитывая, сколько Ласкез ждал. Как тепло его приняли. И что для него готов был сделать Роним.

— Хорошо. Я...

Роним поставил чашку и мягко стукнул кончиками пальцев по столу. Ласкез замолчал и оглянулся.

— Вы говорите по делу?

Таура вышла из ванной комнаты — мокрая, взъерошенная, закутанная в темный халат Ронима. Она прятала ладони в длинных мягких рукавах и сонно моргала, но явно старалась перебороть усталость и выглядеть бодрой. Роним слабо улыбнулся:

— Ничего особенного. Сегодня вряд ли хоть у кого-то есть силы говорить о деле. Вахта на исходе. Вам нужно отдохнуть.

Таура зевнула. Роним, в некотором смущении глянув на ее выглядывающие из-под халата ноги, произнес:

— Тебе придется поспать с нами в комнате. Я уступлю тебе диван, мы ляжем на полу. У меня нет ничего вроде ширмы, но...

— Не надо, — смущенно пробормотала Таура. — Не хочу никого стеснять... я сама посплю на полу, я...

Роним покачал головой, и неожиданно на его лице отразилась какая-то мысль.

— Моя квартирная хозяйка! У нее точно найдется что-то подходящее. Она живет по соседству.

Он поднялся, прошел к висящему на стене телефонному аппарату и взял трубку. Набрал несколько цифр, заговорил:

— Я не разбудил? Хорошо. Скажи мне, есть у тебя... — он потер лоб и с некоторой запинкой произнес, — ширма?

Послушал ответ, улыбнулся, опять потер лоб кончиками пальцев и кивнул:

— Да. Так получилось, что у меня ночует девушка. — Пауза. — И да, поскольку не моя, мне нужна ширма. Ах, хочешь зайти и убедиться, что все нормально? Ну... хорошо. Ждем.

Он повесил трубку и обернулся:

— Налить тебе чего-нибудь горячего?

Таура помотала головой. Она переминалась с ноги на ногу и наконец сказала:

— Теперь у вас из-за меня проблемы. Вам нельзя сюда приводить девушек?

Роним рассмеялся:

— Все не настолько серьезно. Просто хозяйка опасается за квартиру. Она даже его, — сыщик махнул на своего доги, как раз вылезшего из-под стола и направившегося к шпринг, — приняла неохотно. Но ты не стесняйся. Она хорошая. Это моя старая подруга. Очень старая, очень понимающая.

В дверь позвонили. Роним вышел, но вскоре вернулся, на ходу объясняя:

— Можешь считать, что это кровная родня. Дальняя. Но моя.

Ласкез с любопытством посмотрел за его спину, ожидая благообразную маленькую старушку киримо, а может быть, шпринг или ками, а может быть...

— Как тесен мир!

Послышались четкие и уверенные шаги. Рядом с Ронимом, взяв его под руку, остановилась светловолосая незнакомка из вагона.

— Привет... Ласкез, верно? Меня зовут Мирйна Ир.

5. Прогулка

— Привет, Тэсси. Можно тебя так звать?

Вися на скале вниз головой, Варджин показал ей раздвоенный язык и ловко проскользнул в открытое окно. Тэсс выронила книгу на кровать.

— Нельзя. И лазать ко мне в комнату — тоже нельзя.

— Зачем ты тогда оставила окно открытым?

Он удобно устроился на подоконнике и с самым непринужденным видом начал болтать ногой, обутой в отороченный мехом тупоносый вольд. Тэсс вздохнула, подняла книгу и решила расценивать происходящее как знак какого-никакого дружеского внимания.

В день прибытия Варджина, вопреки ожиданиям Тэсс, не поднялось шума: для барсуков этот «день» считался уже глубокой ночью. На берегу Тэсс некоторое время наблюдала, как Ло Лирисс обнимает сына, потом подошла, чтобы ее все же представили. В конце концов, свое имя она так и не назвала. Нож у горла к этому не располагал.

Ло Лирисс, казалось, не был удивлен, что Джер ушел. Во всяком случае, он ничего не сказал по этому поводу, лишь хмуро потрепал Тэсс по плечу, когда она, сама не совсем понимая, зачем, сказала:

— Джер на радиомаяке. Ему нужно...

— Я знаю. Надеюсь, он скоро придет.

Варджин, внимательно прислушиваясь, поглядывал то на нее, то на отца. Но, возможно, не сочтя излишнее любопытство уместным, не стал ничего спрашивать. Молодой человек подмигнул Тэсс:

— Полагаю, еще увидимся. Буду ждать.

Он удалился с компанией охранных. Ло Лирисс проводил их глазами, хмыкнул и извиняющимся тоном сказал Тэсс:

— Я еще сравнительно молод. Полон сил. Я не тороплю его с выводком, как торопили меня самого, у него нет постоянной самки, вот он...

— Неважно, — успокоила его Тэсс и поскорее ушла.

После этой встречи прошло два дня. Тэсс больше не видела старшего сына товару в норах Вайлент о'Анатри. Он не ел за столом, куда Лирисс приглашал Джера с Тэсс, не приходил в гавань и не летал поблизости на Ванке. Едва прибыв, Варджин растворился. И вот теперь...

— Отец рассказал мне. Я сделал все нужное в своем КБ, и я полностью в твоём распоряжении. В вашем.

Тэсс вздрогнула. Варджин не отрываясь смотрел на нее. Она промолчала, понятия не имея, какие распоряжения она может ему отдать. Разве что попросить оставить ее в покое.

— Не бойся, — мягко сказал лавиб. — Так и планировалось. Это ведь я тот самый пилот, который должен был отправиться с вами в Галаг-Дор... на поиски человека, попавшего в беду. Отец написал мне, еще когда я был в Тёв-де-Зуллуре.

— Но Ванк двухместный.

— Я управляю не только Ванком. У меня много самолетов. Ванк просто шустрее и умнее большинства.

Тэсс невольно усмехнулась.

— Он был бы рад это услышать. Кажется, он падок на похвалы.

— Почти все живые существа на них падки. Думаю, ты тоже, красотка.

— «Красотка» — это не похвала. — Тэсс скрестила на груди руки. — Это какая-то чушь.

— Да ладно. — Варджин слабо качнул хвостом и оскалил зубы в хитрой усмешке. — Ты так напрягаешься, будто я предлагаю немедля завести выводок. Просто ты интересная. Мне приятно на тебя смотреть и разговаривать с тобой. Я имею право об этом сказать.

— А я — сделать вид, что ты разговариваешь со стеной.

Варджин кивнул с самым серьезным видом, бесшумно соскочил с подоконника и пошел навстречу. Голубые глаза с узкими темными зрачками не отрывались от лица Тэсс.

— Ты... дикая. И мой новый брат тоже дикий. Не то чтобы я удивлен...

— Я не дикая. Просто... — потеряв собственную мысль из-за этого пристального взгляда, Тэсс всплеснула руками и напомнила: — Ты вообще-то пытался меня зарезать! Не забыл?

Он остановился и возмущено возразил:

— То, что я сказал на берегу, в силе. Зачем таскать с собой нож, если ты не умеешь им пользоваться?

— Это тебя не касается, — огрызнулась Тэсс.

Варджин выразительно постучал себя кулаком по лбу.

— Если мы собираемся влезать в какие-то неприятности, мне кажется, я должен...

— Ты упустил кое-что важное. — Тэсс посмотрела на него прямо и сердито. — Мы уже ничего не собираемся делать. Потому что никаких *нас* больше нет.

Она слезла с кровати и вытащила из-под нее сумку. Расстегнула молнию, вынула Марча. Тот сонно и приветливо загудел, но тут же зарокотал громче, почувствовав поблизости чужака.

— Тихо. Все хорошо. Это свои.

Варджин присвистнул, но ничего не сказал. Тэсс ощущала: он разглядывает маленький самолет, и не поднимала глаз, медленно, терпеливо выпутывая хвост и левое крыло из гор вещей. Марч всегда забирался поглубже — совсем как животное, любящее тепло.

— Отец сказал, что кого-то из вас арестовали. А кто-то вас предал.

— А остальные сбежали. Да. У нас все замечательно. Ах да, еще с твоим братом мы не разговариваем. Так что... — У Тэсс вырвался желчный смешок. — Поверь, ничего принципиального не изменится оттого, что у меня есть нож, которым я не умею пользоваться.

Крыло зацепилось за один из теплых свитеров. Тэсс дернула шерстяную ткань в сторону. Еще раз. И снова.

— Осторожнее. Ты его порвешь.

Варджин присел рядом и подцепил край ткани когтистыми пальцами. Освободил самолет и внимательно посмотрел Тэсс в лицо. Он увидел — или учуял — кое-что лишнее и хмуро предостерег:

— Не смей реветь. Слышишь?

— И не собиралась. — Она закусила губы, машинально прижимая Марча к себе поближе.

Лавиби усмехнулся:

— Может быть, ты права. Принципиально ничего не изменится. Но я могу тебя научить.

— Чему? — вяло спросила Тэсс.

— Драться. С ножом или без. Отец учил всех нас.

Тэсс недоверчиво прищурилась, прикидывая, что может стоять за этим предложением. Наконец покачала головой:

— Мило. Но мы с тобой вряд ли совпадаем по времени. Ты...

Варджин, аккуратно расправлявший свитер в сумке, взглянул на нее.

— Я сплю ночью. Как большинство моих инженеров и конструкторов. У нас мало барсуков, лавиби вообще не склонны к такой работе. Я подстраиваюсь под других.

Он поднялся. Тэсс тоже торопливо выпрямилась. Она немного растерялась, но Варджин вдруг ободряюще улыбнулся:

— Подумай. Я не сделаю из тебя великого бойца, но что-то смогу.

— Ладно. Подумаю, — торопливо кивнула Тэсс. — А сейчас я хочу прогуляться, Марчу надо полетать. Так что не мог бы ты...

Варджин тут же направился к двери.

— С удовольствием составлю тебе компанию.

— Эй! — возмутилась Тэсс. — Вообще-то я имела в виду...

Он обернулся и пренебрежительно дернул левым ухом:

— Чтобы я убрался куда подальше? Ну уж нет. Отец велел за тобой приглядывать, пока Джер занят. Идем гулять.

И, прежде чем Тэсс успела возразить, он распахнул дверь и сделал приглашающий жест.

* * *

Такатан тянулся вдоль океанского берега. Если долго идти по узкой полоске пляжа, можно пересечь его: от окраины до окраины, от гавани товура Лирисса до квартала алопогонных. Путь занимал несколько часов.

Подгоняемый легким ветерком и не встречая препятствий, Марч с явным удовольствием летал над водой. Рокот мотора разносился далеко. Вода пыталась перебить его своим размеренным плеском.

Они купили горячий черножар в мягких бумажных стаканчиках. Дымящийся ароматный напиток покрывала плотная молочная пенка: у Тэсс в ней плавали цветные кусочки зефира, а вот от черножара Варджина веяло крепкой ореховой настойкой.

Лавиби шагал неторопливо, спрятав одну руку в карман кожаной куртки и внимательно наблюдая за маленьким самолетом.

Тэсс шла рядом, на некотором расстоянии, и то и дело оборачивалась на две оставляемые на влажном песке цепочки следов. Ее собственные отпечатки были маленькие, но глубокие, у Варджина — большие, но совсем легкие. Набегающая вода смывала их почти сразу, и складывалось ощущение, что по пляжу Тэсс бредет одна.

— Как ты делаешь это? — наконец спросила она, не выдержав и нарушив тишину.

Лавиби лениво проследил за ее взглядом и пожал плечами:

— Почти все, в ком течет кровь ки, бесшумны. Этому легко научиться, даже если ты ками. При моей мирной работе это довольно бесполезный навык.

— А почему ты не...

Она осеклась и быстро сделала глоток черножара. Не стоило задавать вопрос, он мог оказаться личным. Но Варджин ждал, что она скажет, с явным интересом. Тэсс продолжила:

— Твой отец служил Длани. Был алопогонным. Как я могла заметить...

Варджин хмыкнул, отпил из стакана и перебил:

— Мне было что наследовать. Всем изначально стало ясно, что правителем буду я. Мои братья и сестры... кто жив... довольно хилые. И не все блещут умом.

— А ты? — хмыкнула Тэсс.

— Стараюсь, — с должной скромностью подтвердил он. — Да и вообще... даже будь у меня чуть больше выбора, Первое подразделение — не место, куда я бы пошел. Пугающие типы. — Он помрачнел. — А эти их парады выпускников... видела?

— Да, — тихо подтвердила она.

Она вспомнила свои ощущения. Шествие производило впечатление. Сила. Слепящая холодная ярость. Угроза. Был ли в этом посыл «мы сможем защитить вас»? Или все же «постарайтесь не выступать против нас»?

— Они на страже Великого Единства. — Варджин наблюдал, как Марч делает петлю над водой. — И хранят немало его поганных тайн. Пытают ради него. Убивают. Нет... это явно не мое призвание. Мне всегда больше нравилось что-то создавать.

— А отец... — начала Тэсс.

— У него сложные отношения с собственным прошлым. Но он никогда не хотел делать это прошлое моим будущим.

— Мне показалось, он по-своему любит прошлое. Когда приезжали...

Лицо Варджина снова стало мрачным.

— *Эти?* Ящер, кот, седой?

Тэсс споткнулась и остановилась. Варджин подхватил ее под локоть.

— Что?

— Их было двое. Ки-полукровка и шпринг.

— Раньше был третий. Твоей расы... Самый спокойный, он не позволял себе надираться так, как они... — Варджин полез в карман и вынул ключ с брелоком — металлической фигуркой птицы, распластавшей огромные крылья. — Даже подарил мне вот это... еще очень давно. В детстве эта штука до жути мне понравилась. Я даже подумывал, что сопру ее, а он подарил сам.

Тэсс взяла брелок. На левом крыле было маленькое клеймо.

«Почтовая служба „Такара“. Галат-Дор. Центральный вокзал, к. 5–7»

— Сейчас в этой «Такаре» делают просто овальные блямбы. Я бывал там, видел.

Тэсс вернула брелок. Название показалось ей знакомым, но она решила подумать об этом позже. Сейчас более важным казалось другое:

— Как... его звали?

Варджин почесал за проколотым ухом.

— Не помню точно. В последние приезды я предпочитал держаться подальше, я явно был там лишним. Вроде отец звал его прозвищем. Каким-то чудным. Путник... или Затворник...

— *Отшельник?*

— Точно! — Варджин щелкнул в воздухе пальцами, но тут же насторожился: — Стой.

Откуда ты...

— Забудь, — быстро сказала Тэсс.

Ноздри Варджина дрогнули.

— Боишься...

— Где они служили вчетвером, что делали? Знаешь?

Варджин колебался. Кажется, ему не слишком нравилось, о чем они заговорили, да и самой Тэсс тоже. Но зыбкая надежда, что удастся узнать что-то нужное, заставила ее, остановившись, схватить лавиби за руку и заглянуть ему в глаза.

— Это важно. Я...

Он со вздохом кивнул.

— Сначала здесь. Один отец, они его навещали. Потом они уехали достаточно далеко, отца не был дома очень долго. Папа редко выходил на связь, а если выходил, то она была плохой. Мне ничего не рассказывали. Я даже думал... — Он посмотрел на песок под ногами, — что отец умер и уже прорастает, а другие взрослые меня дурачат, боясь признаться. Но он был жив. Вернулся с железной ногой и больше не носил форму. Зато... привез новую женщину. Полагаю, как раз мать Джера. Меня вскоре после этого отдали в школу. Когда я вернулся, ее уже не было, так что нечего особо рассказать. Ну разве что она была красивая. Это я точно помню.

— Это то, что ты никогда не забываешь? — усмехнулась Тэсс.

— Предпочитаю помнить приятное.

Они зашагали чуть быстрее: Марч над водой прибавил скорости. Ветер будто подгонял его.

— Я... благодарю, Варджин.

Путь преградила группка уходящих в воду скал. Варджин остановился и оглядел их. Недолго поколебавшись, он влез на ближнюю и сделал приглашающий жест. Тэсс продолжала стоять. Он протянул руку:

— Ну же. Давай передохнем.

Вздохнув, Тэсс села на камень лицом к воде. Она чувствовала, что Джин чего-то ждет от нее, и не поворачивала головы.

— Что ты хочешь услышать?

— Хм... для начала я могу озвучить тебе то, что мне известно. Поверь, это очень скудные сведения.

— Я вся внимание, — сказала она и повернулась.

Варджин откашлялся, допил черножар и смял стаканчик. Сжимая его пальцами, заговорил:

— Ты, и мой брат, и еще кто-то, с кем я не познакомился, жили в приюте на острове где-то в Малом мире. Потом каким-то образом достали живой корабль и явились сюда. По пути вас занесло на Веспу, где вы столкнулись с алопогонными. Здесь, у отца, вы прятались, пока некоторых из вас не нашли. Где-то в Первосветлейшей вы хотите разыскать вашего арестованного управителя. Конец.

— Это... все, что сказал тебе ло Лирисс?

Варджин пожал плечами:

— Он умеет хранить тайны. И делать из них качественные выжимки.

— И с такими сведениями ты согласился помогать нам? — недоуменно спросила Тэсс.

Молодой человек снова лишь пожал плечами.

— Он сказал, вы хорошие и нуждаетесь в помощи. Это все, что мне нужно было знать, чтобы сказать «да». Отец редко ошибается.

Тэсс опустила глаза и принялась вылавливать из стакана последний кусочек зефира.

— Я...

— Хочу, — перебил он, — чтобы ты поняла правильно. Я не прошу мне доверяться, это

сложно. Но я прошу добавить деталей. И сказать, что ты... думаешь делать.

Тэсс кивнула, но тут же поняла, что даже не представляет, с чего начать.

— За время нашего путешествия я не разработала ни одного плана, Варджин. Не знаю, как быть.

— А кто решал это в вашей команде?

— Доктор. Она единственная из взрослых осталась...

Тэсс запнулась. Как же ей хотелось сказать «жива»! Варджин понял. Он кивнул, и Тэсс с некоторой неохотой закончила:

— Джер тоже многое решал. Ло капитан, как он меня...

Варджин вдруг ухмыльнулся. Его глаза сверкнули:

— Ты ему небезразлична. Не будь такой злоюкой.

Тэсс поперхнулась. Варджин, поджав под себя ноги и каким-то немыслимым образом все равно сохранив равновесие, принялся покачиваться на камне вправо-влево.

— Вы знакомы с детства. И вы попали в передрагу. Держись за него... — он проникновенно понизил голос, — и за меня. Не знаю, чем тебя задел мой новый братец, но наша семейка надежна. Уж поверь.

Тэсс увидела, как длинный барсучий хвост тоже мотается из стороны в сторону, и невольно улыбнулась:

— Благодарю, Варджин. Прогуляемся еще? Я... думаю, на ходу будет проще рас...

Варджин выразительно хмыкнул и поднял палец. Тэсс кивнула и, не переставая улыбаться, поправила саму себя:

— Добавлять детали.

Они неторопливо направились вдоль воды дальше. За спиной у Тэсс по-прежнему оставалась как будто бы одна цепочка следов.

* * *

Джер встретил их, когда на ровной полоске пляжа стало попадаться все больше изломанных камней, а наверху, вдоль набережной, замаячили стройные дома из красного камня. Богато украшенные, большинство — с вертящимися флюгерами в виде кораблей на крышах. В тот раз Тэсс не обратила на них внимания, а теперь пристально разглядывала. Вроде бы не высокие, но немного неприятные здания. Еще не *алые башни*, но уже стоящие на подступах к ним. Места, близ которых исчезли доктор, Дит, Ву и Ева. Возможно, в камни даже вьелась кровь.

Тэсс не удивилась, когда через кованую загородку перемахнула коренастая фигура. Пугающе легко соскочив по крутым скалам, фигура прыгнула и приземлилась точно перед Варджином.

— Мотаетесь?

Голос Джера звучал спокойно. Настолько спокойно, что Тэсс быстро вышла вперед, опять, как и в первую встречу, становясь между братьями.

— Да, Джер. Гуляем с Марчем. Он давно не летал.

Юноша повернул голову и глянул на маленький самолет. Тот, описав круг, приблизился и уселся на макушку Варджина. Джер прищурился.

— Все уже нежно любят друг друга... Зачем вы притаились сюда? Хочешь, чтобы и

тебя арестовали, самка?

Варджин снял Марча с головы.

— Кварталы почти пусты. Как и всегда в эти дни. В такое время приезжают только новенькие.

— Хорошо, если так... — Джер пробормотал это чуть миролюбивее, с заросшего лица исчез оскал. Варджин улыбнулся:

— А что здесь делал ты, брат?

— Я часто тут бываю. Мне есть о чем подумать. Здесь, знаешь ли, по-особенному пахнет.

«Утратой», — подумалось Тэсс. Варджин пытливо всмотрелся Джеру в глаза. Тэсс хотела толкнуть его в бок локтем: Джер ненавидел подобное поведение и отвечал на него в лучшем случае оскорблениями... но было поздно. Он ощерился и... вдруг опустил взгляд, а затем отчеканил:

— Не таскай ее сюда. Ты хозяин в этом городе, а мы здесь как на прицеле.

— Джер... — начала Тэсс.

Варджин шагнул по песку, мягким движением отеснил ее и положил руку на плечо своему брату. Тэсс не видела в это мгновение его лица, а вот Джер, вскинувшийся, чтобы освободиться, явно его заметил. Он замер, настороженно хмурясь.

— Что тебе?

— Нужно переговорить. Серьезно. И... — Варджин, обернувшись, подмигнул, — без девчонок. Пока что.

Тэсс обиженно скрестила на груди руки:

— Эй, ты!

Варджин уже зашептал что-то Джеру на ухо. Тот продолжал хмуриться, глядя под ноги, и все же... что-то в его напряженной позе менялось. Понаблюдав немного, Тэсс фыркнула и демонстративно отошла, скомандовав:

— Марч, сюда!

Самолет сел ей на плечо. Тэсс наклонила голову и строго шепнула:

— Уже даешься ему в руки? Ах ты подлиза...

Два брата шептались. Тэсс искоса посмотрела на них, как никогда жалея, что не обладает чутким слухом шпринг. Она ничего не смогла разобрать, хотя, уже когда Варджин выпрямлялся, ей показалось, она уловила обрывок фразы:

— ...не более вахты.

— Что? — громко спросила она.

Оба одновременно посмотрели на нее. Варджин помотал головой:

— Ничего важного. Можешь считать, что мы... — он поколебался, — обсудили... например, твою фигуру.

Тэсс фыркнула.

— Сомневаюсь. Ты уже оценил меня и пару раз высказывался по этому поводу. С чего теперь шептаться?

Варджин пожал плечами. Джер почти в точности повторил это движение. Тэсс закатила глаза и, повернувшись, первой направилась по побережью назад. Она уже сделала несколько шагов, когда...

— Самка, — произнес или, скорее, сдавленно прорычал Джер. Решив, что речь идет о ней, Тэсс развернулась, а он уже вновь взбирался наверх, по скалам. Варджин крикнул:

— Эй, а кто говорил не шляться около башен?

Джер не слушал. Он уже перемахнул через ограду набережной и скрылся.

— Куда он...

Варджин молчал. Его ноздри слабо подергивались, но лицо ничего не выражало. Беспокоясь все больше, Тэсс хотела повторить вопрос, но Варджин, явно решив что-то для себя, попросил:

— Постой тут. Я его верну.

— Еще не хватало, чтобы ты...

Она пожалела о словах: он самодовольно улыбнулся.

— Волнуешься? Да что они мне сделают...

Лавибби рванул вверх, ему, чтобы преодолеть подъем, хватило пяти ловких прыжков. Он скакал с ловкостью ящерицы, совсем как... Тэсс торопливо оборвала воспоминания. Она осталась стоять у воды, только сейчас осознав, что уже какое-то время нервно прижимает Марча к себе.

Время застыло. Казалось, даже волны издевались: подползали к пляжу вяло, сонно. С набережной не раздавалось ни шагов, ни голосов, ничего не было слышно, кроме звука прибоя. Тэсс было не по себе. Обидно, что кримо обделены острыми чувствами. Ни сверхобоняния, ни чуткого слуха, ни зоркости. Даже простой ловкости, чтобы влезть наверх, не хватает.

Оглядевшись, Тэсс увидела в десятке шагов выдолбленную лесенку. Едва заметная и кривая, она, наверное, делалась специально, чтобы спускаться на пляж. Возможно, для рыбаков, маленьких ле, старых наставников или просто случайно забредших в красные кварталы горожан, не умеющих лихо скакать. Тэсс недолго колебалась и уже вскоре преодолевала ступеньки, борясь с нарастающим страхом. Наверх не хотелось. Не хотелось думать о...

«Здравствуйте, ла...»

Грэгор Жераль наверняка покинул Такатан. Но Тэсс все еще видела его в каждой пляшущей тени.

Она оглядела набережную. Впереди та округло загибалась, еще дальше, правее, сверкали крыши Акра Монтара. Тэсс помнила, что громаду башен от остального квартала отделяет красивый мост — через городскую речушку Нэн, впадающую в этом месте в океан.

— Эй!

Она собиралась крикнуть, но передумала, и у нее получилось лишь шипло прошептать. Нет, что бы Варджин ни говорил, опасно подавать голос в таком месте. Даже несмотря на то что квартал действительно казался безлюдным, одичавшим и почти приветливым в ярком свете Зуллура. Таковым он казался и *тогда*. Когда бедная ла доктор...

Перебарывая страх, Тэсс торопливо пошла к мосту. Что-то подсказывало ей, что оба барсука направились именно туда. Она не ошиблась.

— Я видел. Точно!

— Даже если и так, тебе туда не попасть. Ну а если ты туда попадешь...

Братья спорили. Джер, сжав кулаки, уже ступил на мост, его взгляд был прикован к огромным красным воротам на другой стороне. Он был в бешенстве, Варджин, удерживавший его, — спокоен. Обернувшись, он посмотрел на Тэсс.

— У нас неприятности и...

Джер перебил:

— Это у нее неприятности! Дай мне ее достать! Слышишь, ты?

Он рванулся. Рука Варджина, сместившись на предплечье, сжалась крепче. Свет Зуллура отразился в его глазах так ярко, словно туда попало небо. Тэсс вздрогнула, заметив, как обнажились клыки.

— Нет.

— Да что такое?

Тэсс приблизилась. Джер мутно посмотрел на нее или сквозь нее. Пальцы Варджина все еще не разжимались.

— Я видел ее... я ее учуял. Она здесь маршировала.

— Кто? — спросила Тэсс и беспомощно взглянула на Варджина. Тот молчал. Джер вдруг усмехнулся:

— Твоя подружка. Наша рыжая дрянь. Крашенная в черный, в *их* форме... она здесь.

6. Звереныш

Ей шел идеально подогнанный черный мундир. Покрашенные в черный цвет волосы. Новое имя. И просто удивительно, как ей шла чужая мечта.

Всю жизнь Ева считала себя несамостоятельной и непримечательной. Такими обычно очень довольны учителя. Как же иначе? Девочка в книжках и уроках. Девочка не гуляет допоздна. Не обдирает коленки на каменистых пляжах, не рвет одежду. Настолько хорошая девочка, что глупо искать подвох.

Хорошая девочка всегда полагалась на родителей. Но, как оказалось, есть вещи, в которых они не способны помочь. Побег из Пятого региона — одна из таких вещей.

Хорошая девочка Ева, оставшаяся единственной дочкой в семье, поступила очень плохо и знала это. Ведь она отлично видела, как менялись лица родителей в вечер, когда на праздничном пироге горело тридцать маленьких свечек. Пятнадцать Евиных. Пятнадцать Хавиных. Свечкиплыли, а Хава не шла и не шла домой. Тучи заволокли Серебряные яблоки, началась первая вахта нового дня. Наконец ее решили искать. Мама начала плакать. Отец бледнел и курил больше, больше, больше, пока весь не ушел в дым. Ева... Ева заглядывала в глаза то ей, то ему, и молчала. Она не решилась рассказать, что поссорилась с сестрой. Обидела сестру. Возможно, прогнала прочь. Значит, возможно...

...убила. Серым сыщикам она этого тоже не сказала.

В городке стало очень страшно. На следующий же день улицы опустели, хотя вроде бы ничего особенного не происходило. Просто жившие в Стенных районах алопогонные вышли — в переулки, на побережье, стали заходить в дома, лавки и школу. Появляться из теней там и тут. Они почти не говорили, в основном, *высматривали*. Как оказалось...

Небесные Люди снова спускались на берег. Тоже кого-то или что-то искали. К счастью, их удалось вовремя прогнать, но...

Небесные Люди кого-то украли. Кого?...

Городок Евы был маленьким. Все стало понятно, когда в классе Второй Старшей школы одна парта оказалась пустой.

Да, хорошая девочка Ева поступила подло, когда сочувствующий шепот, назойливые вопросы и чужие слезы стали сводить ее с ума. Ева собрала свои тетрадки, рисунки, любимые книги и закопала под большим раскидистым деревом на опушке леса. Присыпая все мшистой землей, она думала о том, что было бы неплохо зарыть здесь и себя тоже, но это было бы слишком легко. Нет... все это подождет до лучших времен, когда-нибудь она к этому вернется. Взрослая, другая — но вернется.

...Хорошая девочка Ева отправилась на городской рынок, где купила черную краску для волос.

День спустя ей попался подходящий, как ей показалось, Зверь. Чистый, ухоженный и блестящий, к тому же он очень надолго остановился на своей серебристой тропке. На него оказалось легко забраться. А у него внутри — он съел мешки с письмами — оказалось удивительно здорово и уютно.

Ева знала: дальше будет сложнее. Люди из Пятого региона должны ловко прятаться. Она не умела прятаться даже в детстве, когда участвовала в играх. Другие дети находили ее первой. Правда... тогда она просто не понимала игр понарошку. И у нее не было цели спасти сестру.

Ева не умела драться. Не имела денег. И совсем не была умной. Но Ева хорошо сочиняла истории, это могло ей помочь.

Правильные истории, словно отмычки, — всегда открывают нужные двери.

Особенно если попадется подходящий слушатель. И она его нашла.

— Значит, милая ле, вы стремились попасть сюда всю жизнь?

Когда высокий худой офицер с седеющими висками, которому она бросилась в ноги возле моста Акра Монтара, спросил это, она почувствовала тошноту, но кивнула. Ей не пришлось изображать дрожащий голос, он действительно задрожал, правда, скорее от отвращения:

— Я... родом с острова Большой Медузы. У меня совсем никого нет. Я потратила все деньги, только чтобы доплыть сюда.

— Откуда же у вас деньги, если вы, как вы говорите, сирота и даже не росли в приюте?

— Стирала одежду в портовой гостинице... копила.

Алопогонный схватил ее за запястье — резко, но она не вскрикнула, хотя и поняла, что попалась. Голубые глаза оглядели незагорелую, нежную кожу, совсем не похожую на кожу прачки. Дома Ева почти не помогала по хозяйству, в отличие от сестры. Ее пальцы не знали ничего, кроме ручек и страниц книг.

— Вот как...

Алопогонный усмехнулся, морщинки в углах губ стали заметнее. Но усмешка не была злой, скорее сочувствующей.

— Вы ничего не стирали. Вас явно холили и лелеяли. Где же вы взяли деньги, чтобы попасть в Большой мир? От острова Медузы — дальний путь.

...Новая история сама пришла в голову. Глупенькая, простенькая и чудовищная. Ева закусил губу, всхлипнула и прошептала:

— Хорошо. Я зарабатывала... иначе. Только чтобы однажды приплыть к этим башням. Только чтобы...

Мужчина не выпустил ее руку. Он по-прежнему сжимал ее, но уже мягче.

— Бедное дитя. Чему я удивляюсь... вы красивы. Куда смотрят эти серопогонные шавки, как такое может быть в Единстве.

Он сам додумал то, чего с Евой не случилось и в помине, а затем спросил, как ее имя, и она, не думая, назвалась:

— Хава.

— Фамилия?

— У меня нет документов. Я не обращалась за ними — боялась попасть в рабочий дом или обратно... *стирать*.

Ей повезло. В Пятом регионе в реестр заносили после пятнадцати юнтанов. В течение первых нескольких недель после того, как задует свечи на пироге. Она сбежала вовремя, чтобы сойти за сиротку, каких полно на дальних островах, а не за беглянку.

— Что ж, Хава. Так сложилось, что несколько ле, которые должны были поступить под мою опеку, в подразделение девочек, в последний момент выбыли. Вы не очень подходите по возрасту, но... Мы поищем для вас место. Посмотрим, как вы справитесь. Я замолвлю словечко. Идем.

И она пошла.

Ева не слышала, что именно ло Рин Краусс — так звали алопогонного офицера — говорил другим, точно так же одетым, таким же черноволосым и голубоглазым людям. Она

заметила только, что первой он окликнул красивую женщину с тяжелыми длинными локонами. Он тоже выбрал подходящего слушателя для насквозь лживой истории-отмычки. Видимо, женщина все поняла. К тому же, как выяснилось позже, детей в наборах последних курсов было меньше, чем ожидали. Девочек — особенно мало. Красивых — единицы. Еву подозвали и задали несколько формальных вопросов.

В тот же день Ева получила место в общей комнате курсанток. На ее кровать положили черный мундир. Вскоре она вместе с прочими ле дала Клятву. Ей предстояло пройти нелегкий путь, но она почти не боялась. Хотя бы потому, что на первых отрезках пути нужно было всего лишь рассказывать нужные истории.

* * *

Из Вводного кодекса Первого подразделения оборонно-карательной Длани

1.

— *Мы есть лучшие силы Син-Ан, Великого Единства, Нашей Родины, Нашей Матери. Ее Защита и Опора.*

— *Мы неустанно совершенствуем свой разум, свою тэ, свое тело и более всего презираем лень, расхлябанность и слабость.*

— *Мы не сворачиваем с пути, если наша нога ступила на него. Свернувший с пути теряет свой цвет.*

— *Мы умираем храбро и гордо, если в этом есть польза Единству и Его Людям.*

2.

— *Мы слушаемся нашего Офицера. Сопровождающий офицер — наш родитель в Младшем корпусе.*

— *Слово Сопровождающего офицера — наш Закон.*

— *Сопровождающий офицер, предавший Единство, будет убит нами.*

— *Слово Вышестоящего — Закон над Законом для нас.*

— *Вышестоящий, предавший Единство, будет убит нами.*

— *Члены Синедрионов (Тобины, Товуры, чиновники Дланей, чиновники Судов) — неприкосновенны для нас. Убийство члена Синедриона (Тобина, Товура, чиновника Дланей, чиновника Суда) карается смертью.*

— *Член Синедриона (Тобин, Товур, чиновник Длани, чиновник Суда), предавший Единство, будет убит нами. В случае ошибочного вердикта мы обязуемся прилюдно совершить ирн'тэйр (самоубийство), перерезав себе горло.*

3.

— Мы чтим наши семьи и являем собой образец благонадежности для них, преумножаем их честь и славу, защищаем их.

— Наши родители, братья и сестры, предавшие Единство, будут убиты нами. Наши возлюбленные и дети наших выводков, предавшие Единство, будут убиты нами.

— Мы чтим наших товарищей и являем собой образец безоговорочной верности. Жизнь товарища превыше жизни нашей.

— Наш товарищ, предавший Единство, будет убит нами.

— Мы чтим мирных граждан Единства и являем собой гарант их политической и общественной безопасности. Жизнь мирного гражданина превыше нашей жизни.

— Мирный гражданин, предавший Единство, будет убит нами.

— В случае ошибочного вердикта, повлекшего за собой убийство невиновного, мы обязуемся впоследствии прилюдно совершить ирн'тэйр, перерезав себе горло.

* * *

У Рина Краусса был странный взгляд. Ева отметила это не при знакомстве с ним, а позже, уже насмотревшись в глаза других алопогонных — офицеров, наставников, своих соучеников, старших курсантов. Глаза многих казались ледяными. У Краусса взгляд был пронзительно тяжелый, но... теплый. Несмотря на ярко-голубой цвет радужек.

На Веспе у Евы была любимый учитель, точнее, учительница, по словесности, — молодая ла А́лья: худая, легкая и знавшая столько, что дух захватывало. Смешливая и добродушная, с зелеными глазами. Трудно было не любить ее. Этот странный человек никак не мог ее заменить. Так Ева думала, когда Краусс показывал ей комнату, куда еще не вернулись с каникул соседки. И когда в конце того же дня принес стопку книг.

— Ты наверняка не могла нормально учиться. На Медузе, говорят, почти все неграмотные.

— Я грамотная! — возразила Ева.

Он засмеялся, хоть и немного недоверчиво.

— Не сомневаюсь. Поэтому я принес книги. История и кое-что по естественным наукам. Коротко и ясно. Это скорее... для тех, кто хочет освежить знания.

— Я освежу, — пообещала Ева. — И сдам все экзамены. Я постараюсь.

— Постарайся. Просто не провались, тут не требуется ничего сверхъестественного, умение выслеживать и убивать оценят больше. Набери проходной балл, и этого будет достаточно.

Он вздохнул и потер висок. Ева опять обратила внимание на седину среди его густых и пышных черных волос. А еще одна прядь была красной. Девочка потупилась, подумав вдруг, как ему достанется, если все откроется, и тихо сказала:

— Я благодарю. Что вы со мной носитесь, хотя я и...

Мужчина потрепал ее по плечу.

— Не думай. Это в прошлом. У всех есть прошлое, его не надо стыдиться.

Теперь вздохнула Ева. Она чуть было не проболталась, что она веспианка. Но история-отмычка вышла лучше, чем она сама ожидала.

Сопровождающий офицер попрощался. Глядя на город, увитый светящимися цветами сикинара́и, она глубоко задумалась.

8.

- *Мы уважаем науку как двигатель прогресса Единства.*
- *Мы уважаем историю как сокровищницу мудрости Единства.*
- *Всякое новое знание и умение преумножает нашу силу.*
- *Всякое знание о прошлом преумножает нашу мудрость.*

9.

- *Всякая тайна, доверенная нам, не уйдет дальше нас.*
- *Всякая тайна, несущая опасность для Единства, станет достоянием Вышестоящего.*
- *Всякое преступление, совершенное против Единства и несущее ему угрозу, не имеет срока давности.*

* * *

Да, Сопровождающий офицер Рин Краусс был странным. Еще более странной казалась его личная комната, где он вечерами собирал юных курсантов и курсанток, которым покровительствовал. На самом деле, странной в обстановке была всего одна деталь, но почему-то она пугала Еву.

Вдоль стен по-военному пустого помещения, огибая его, шла длинная серебристая тропа. По тропе все время, как заведенный, ездил игрушечный Зверь. *Звереныш*, как звал его Краусс. Поезд пускал облачка дыма, иногда надсадно гудел. Его тело состояло из шести вагонов. Колеса были черные.

Тропа шла плавной спиралью, в несколько ярусов, последний находился под самым потолком. Звереныш то спускался, то поднимался, петлял, меняя направление. Иногда Еве казалось, он отчаянно пытается сойти, но ведь настоящие Звери троп никогда не покидали. А еще иногда Ева задавала себе вопрос: останавливается ли звереныш хотя бы ночью, когда Краусс засыпает на жесткой узкой кровати?

Ева ничего не спрашивала. Оказалось, не спрашивали и другие соседки, две из которых тоже входили в число офицерских любимиц. Шпринг по имени Нэсса однажды сказала шепотом:

— Краусс сумасшедший. Говорят, он травил Зверя в Пятом регионе и случайно заглянул ему в глаза.

Нэсса вообще знала много «красных» историй: она была алопогонной в шестом поколении, чем невероятно гордилась. Так что у Евы не было повода не верить ей, тем более, Краусс и ей казался немного...

Впрочем, подобрать определение было не так просто. Вопреки собственным мыслям, от одиночества, тоски или глупости, Ева привязалась к этому человеку, который вел в Акра

Монтара военную историю. Он был умным. Умел метко отвечать на любые дурацкие остроты учеников — особенно богатых. А без этого не обходится ни в одной школе. И, вне всякого сомнения, Краусс отлично знал свой предмет, и Ева всегда это ценила. Так же, как и умение преподавателя остаться человеком за пределами класса.

Ему это удавалось. Вечерами, собирая курсантов от десяти до шестнадцати юнтанов, он зажигал старые круглые фонарики вместо электрического света. Они так нагревались, что над ними варили черножар. А еще вечером от Краусса можно было услышать то, о чем не упоминают до Выпуска. Его истории не только будоражили ум, они по-настоящему захватывали. Краусс был хорошим рассказчиком. Наверное, он мог бы писать книги. Иногда, тихонько сидя прямо на полу и слушая, Ева задавалась вопросом, что сказал бы этот человек, попади к нему в руки какая-нибудь ее тетрадка?...

...Всего одна ошибка. Одна ошибка — и мир вспыхнул. И никто уже не смог этого остановить.

Вы знаете. Когда, устав от межсоюзных раздоров, тобины заложили основы Великого Единства, им не было легко. Не все уживались, не все уважали друг друга. У нас были разные традиции, разные герои, разное выражение любви, разная пища. Потребовалось много усилий, чтобы искоренить то, что тянуло назад. Такого было много. Ну хотя бы, например... знаете, в некоторых родах считали, что мертвец заслуживает памяти. Люди устраивали трупам постели в ящиках, землю загромождали табличками с именами. Сквозь таблички ничего не прорастало... можете вообразить? Да. Вы правильно смеетесь, некоторые древние люди плохо понимали круг жизни.

Но одно непреложно. Мы все — остроухие, чешуйчатые, щетинистые, косматые и гладкокожие — были вправе зваться людьми. Объединившись, мы возвысили это право и построили мир, где каждый мог рассчитывать на уважение и поддержку. Так живем. Так жили. Всегда, кроме тех юнтанов.

Резня началась из-за ошибки одного человека. Выдвинувшего нелепую теорию о... неравенстве. Впрочем, эту историю вы все знаете. Знаете... но, наверное, не представляете, во что это переросло.

А вы посмотрите. Посмотрите. Как, едва получив повод возвыситься над собратьями, недостойные глупцы стали делать это. Как на Веспе вспыхнули пожары. И не только.

...Город киримо не заплатил подземной колонии лавибби, с которой у него был договор на покупку таби. Те в ответ — когда оплата была просрочена окончательно — отдали киримо гниль вместо хороших плодов. Голодные обозленные горожане решили не проводить переговоры, а просто взорвали входы в барсучьи шахты и пустили туда воду из резервуаров.

...В другой раз кое-кто прельстился красотой одной шпринг против ее воли. Но друзья защитили ее. Обидчиков швырнули в море, а ведь большинство вас, Нэсси, боится воды...

...Или несколько бродяг поймали маленького ками и вспомнили о том, что вели на его предков славную охоту...

То, о чем я говорю, ле, — капля. Это была не одна подземная колония, не одна красивая кошка и не один голодающий городок. То, о чем я говорю, стало реальностью для всего материка. Нет соблазна непреодолимее, чем сознание превосходства над равными, особенно в мире, где все равны. Тогда Веспу впервые изолировали — ее радиоволны, транспортное сообщение, почту. Больше всего боялись, что все пойдет дальше, за Стену. И тогда...

Нэсси, перестань перебивать. Да, тогда и появилась Сотня, первые солдаты, которые

надели черно-алые мундиры и под лидерством Тени отправились наводить порядок. Одни вышли из серопогонных, другие — из народных добровольцев, а их лидер скрывал лицо. Сотня присягнула на верность Синедриону и получила особые полномочия.

Но ты кое-чего не знаешь, Нэсси. Об этом не любят вспоминать даже то-син, хотя им это известно. Так вот... в Сотне не было людей с Протéйи. И ни одного человека из Малого мира.

Им было страшно сунуться, они просто поджали хвосты и разрабатывали план. Сотня состояла из вестпианцев, именно поэтому мы черноволосы и голубоглазы, как большинство жителей этого континента. Те сто бойцов, точнее, те из них, кто не погиб, были последними, кто покинул Пятый регион, прежде чем его закрыли. Вот так.

Сотня сменялась и пополнялась в течение всего времени существования нашего подразделения. Была предметом гордости для самых гордых. Куда она исчезла? Нет... Помолчи. Нэсси... я расскажу в другой раз, и держи-ка язык за зубами, или я напишу твоей маме, и она надерет тебе уши...

* * *

И все было почти хорошо. День за днем, вечер за вечером. Пока однажды, маршируя среди других девочек, Ева не увидела на углу улицы полукровка-лавиби. Он смотрел в ее сторону и щерил зубы, и на это еще можно было не обращать внимания, ведь курсантов многие недолюбливали в городе, но...

— *Ева?*

Ей показалось, именно этим именем он ее позвал.

7. Город ветров

Он наблюдал за тем, как наступает утро. Отслеживал это по гаснущим фонарям и светлеющему небу. Больше ничего из окон квартиры Ронима, выходящих на Холодную сторону, было не различить: Зуллуру сюда не заглядывал.

Ласкезу казалось, что он живет здесь уже долго, хотя на самом деле прошло всего несколько дней. Пустых и спокойных дней, когда Роним уходил, а он оставался: детектив запретил ему гулять в одиночестве. Тем более в здешних районах, где ютились многоэтажные клетки, просто нечего было делать.

Таура не ночевала в комнате: ла Ир еще в первый вечер забрала «прекрасное создание» к себе, в соседнюю квартиру. Шпринг, поначалу опасавшаяся незнакомки, быстро с ней сдружилась, что не могло не радовать: настроение у Тауры наладилось, она стала напоминать себя прежнюю. Мирина давала ей свои красивые наряды и украшения, делала ей прически — развлекала как могла. Ла Ир вела домашний образ жизни, зарабатывая литературной критикой в аджавелльских альманахах, и, видимо, была рада компании. Сквозь тонкие стены в квартире Ронима Ласкез часто слышал смех и музыку, лившуюся из радио.

Несколько раз квартирная хозяйка звала Ласкеза присоединиться, но он отказывался, чувствуя себя не слишком уютно в компании двух женщин. Мирина, возможно, поняла это. Настаивать она перестала, зато показала одну из комнат своего довольно большого — не сравнить с «клеткой» детектива — жилища. Она вся была заставлена книжными шкафами. Так что Ласкез снова читал, правда, уже не то, что дома. В основном, учебные и научные издания, пытаясь догнать курс. Здесь, в городе, его прежние мысли только окрепли. Он очень хотел поступить в Корпус серопогонных.

Для этого нужно было сдать несколько предметов и физических нормативов. К последним Ласкез был вполне готов, а вот знания... ему пригодилась бы помощь Тэсс, она умела все разложить по полочкам и училась на отлично. Но сестра была далеко. И он занимался сам, а заходя в тупик, утешал себя одной мыслью. Возможно, он и вовсе не доживет до экзаменов.

У Ронима — особенно вечером, когда детектив был дома, — Ласкез чувствовал себя в безопасности и начинал верить, что все обойдется: и с Тэсс, и с управителем, и с *инцидентом* на Веспе. Днем, в одиночестве, становилось хуже. Мысли о *тех* словах Тэсс иногда подстегивали его к бегству, пусть это и противоречило здравому смыслу. Книжки помогали. Как и раньше, они очень выручали. Еще больше помогло бы...

— Что тебя беспокоит?

Когда Роним спрашивал об этом, Ласкез начинал жалеть, что к нему вернулся голос. Написать о страхах, как и о надеждах, было бы проще, чем говорить о них вслух. Он отвечал: «Я скучаю по сестре», опуская «Она тебе не доверяет». Детектив кивал.

Теперь у Ронима начались выходные. Вслед за ними он взял еще несколько дней. Ласкез чувствовал вину, хотя сыщик и сказал, что все равно собирался в отпуск. Нет... все складывалось не так, как Ласкез представлял. Он не нашел старого друга. Он принес этому другу плохие новости, да еще засел в его квартире. Это не говоря о тенях алопогонных, маячащих за спиной. Так что Ласкез не решался заговорить о Корпусе серопогонных или вообще о чем-либо, что требовало от Ронима нервных и любых других затрат. Даже об обещании попробовать связаться с сестрой не напоминал.

Небо окончательно прояснилось. В комнате стало светлее, и Ласкез встал с постели, устроенной прямо на полу. Одевшись, он приблизился к окну, оглядел хмурые крыши и опустил жалюзи: Роним все еще спал. И ему полезно было отдохнуть: из ярда он возвращался неизменно поздно, всегда вымотанным. Его лицо, когда он переступал порог, казалось болезненно бледным. Сероватым. Таким оно было и сейчас. Детектив слегка запрокинул голову и прикрывал глаза рукой. Ласкез остановился над ним, вслушиваясь в ровное дыхание. Кошмары? Снова? Он дорого бы дал, чтобы понять это.

В коридоре пару раз гавкнул Бино, заскреб по полу. Ласкез вышел, притворив дверь, и иллиций над лбом доги радостно замерцал. Ласкез снял с крючка поводок.

— Пойдем-ка я тебя выведу.

Это были единственные прогулки, которые он пока совершал. Бино успел к нему привыкнуть: охотно подпускал, так что во двор они ходили часто. Уследить за таким зверем оказалось проще, чем Ласкез думал.

Бино припустился по лестнице. Ласкез, с силой увлекаемый вперед, крепко цеплялся за перила. На последнем пролете он все-таки едва не пересчитал ступеньки носом, но, к счастью, свидетелей этого конфуза не нашлось.

Большой просторный двор с нескольких сторон ограничивали дома. Для выгула животных к нему примыкала отдельная площадка. Побродив по ней какое-то время, Ласкез снова прицепил к ошейнику доги поводок. На улице было промозгло, задерживаться не хотелось, но опасение — что не в меру бодрый, наверняка проголодавшийся и соскучившийся зверь будет шуметь в квартире, — заставило продлить прогулку. Пусть Роним выспится, наверняка его будят спозаранку и в выходные. Держать дома подобное чудовище... определенно, только от Ронима и можно было ждать нечто подобное.

Ласкез вернулся туда, где пестрели цветники и стояли аккуратные деревянные скамейки. Он взял с собой учебник Единого Права, который и собрался почитать, но к своему удивлению обнаружил, что двор уже не пустует. Мирина Ир помахала с ближней лавочки и окликнула его. Он подошел.

Женщина, одетая в теплый дук с высоким воротом, причесанная и покрашенная, сидела, закинув ногу на ногу. Рядом лежал аккуратный букетик незнакомых розовых цветов в серебристой оберточной бумаге.

— Доброе утро, мой юный друг.

Она улыбалась и была явно в хорошем настроении. Мирина потрепала по загривку Бино, тот лизнул ей руку и лег.

— Здравствуйте, ла. — Ласкез сел. Он заметил в ушах женщины знакомые сережки-ромбы, холодно сверкающие на свету. Из прически сегодня не выбивалось ни одной пряди, весь вид соседки казался строгим. — Не спится? Вы гуляли?

Она бросила взгляд на цветы, и Ласкез прикусил язык. Вероятно, гуляла не одна. Может, вовсе не ночевала дома.

— Я не залеживаюсь, — наконец ответила женщина. — От этого один вред. Никогда наш разум не бывает так ясен, как в эти часы. Для меня — при моем свободном графике — это самое плодотворное время. Даже сейчас я работаю.

— Работаете?

— Обдумываю книгу, чтобы хорошенько помучить автора, — она кивнула Ласкезу. — В своей рецензии. Мне есть что сказать.

— Что за книга? — уточнил он скорее из вежливости.

— Детектив. Хо' Аллисс, «На море сегодня светло». Опережая твой вопрос: да, мне понравилось, и... — она посмотрела особенно пронизательно, — опережая другой твой вопрос, да, он жив и все еще пишет. А «Идущие домой» — лишь одна из почти двух десятков его книг. Далеко не лучшая, но лучшее и известнейшее — не всегда одно и то же.

— Пожалуй, — кивнул Ласкез. — А почему вам не нравятся «Идущие домой»?

Она поправила ворот и взяла в руки букет. Затем положила его на колени и стала теревить мелкие зеленые листочки.

— Он слишком тяжело ей болел. Это всегда заметно, если, конечно, читатель внимателен. Книга, которой автор болел по-настоящему... она колет тебя иголками или даже режет ножами. Ты зачастую даже не понимаешь причин и, конечно же, не замечаешь ни иголок, ни ножей, но чувствуешь. И если ты вдруг видишь...

Она понюхала цветы и снова отложила их. Ласкез ждал.

— ...то невольно начинаешь задавать себе вопрос, сколько этих ножей торчит у автора в груди. Напомни-ка мне вкратце, о чем она?

Ласкез задумался. Он не видел смысла в пересказах, тем более ему казалось странным проговаривать известный сюжет. Но ла Ир явно хотела что-то услышать или просто забавлялась. Спешить было некуда. И он попробовал:

— О дальнем острове, на котором стояли древние здания, запертые хитрыми замками. Поговаривали, что внутри когда-то поклонялись сильным существам... их звали «тэусы», и они умерли... Точнее, люди убили их и стали править сами. Другие говорили, это выдумка. Потом несколько человек нашли близ крыльца ребенка, вокруг которого летали птицы. Ребенок был крылатым и смуглым... и обладал силой — поворачивать вспять моря, усмирять бури, приручать зверей. Вскоре оказалось, что таких — детей и взрослых — много, и в одну дождливую ночь они вышли из дверей этих древних зданий, которые тут же рухнули, все, кроме самого центрального, и...

— И?... — тихо подтолкнула ла Ир.

— Люди, нашедшие первого ребенка... Механик, Мечтатель, Страж, Поэтесса, Близнец и Замарашка решили привести крылатых в мир. А там...

Он запнулся. Женщина тяжело вздохнула и продолжила:

— А там существа стали убивать, потому что мир показался им прогнившим. У них было свое представление о том, как перестроить его правильно. Победить несправедливость. Снова заставить людей верить в чудеса. Но люди не захотели и перебили их. И вот тогда рухнули последние из Холодных Хором. Вроде бы погребя под обломками тех, кто вывел крылатых в мир. А ведь, наверное, крылатые не были злыми. Лишь жестокими.

— Они долго пробыли в заточении. Вряд ли могли понять, что мир просто стал другим. Не хуже, а другим.

— Другим... — повторила ла Ир.

Больше она ничего не сказала, будто по-прежнему чего-то ждала. Как оказалось, так и было.

— Может, у тебя есть интересный вопрос?

Вопрос был. И Ласкез подумал, что задать его литературоведу — неплохая мысль.

— Как вам кажется, о ком эта книга?

В свое время Ласкез обсуждал это почти со всеми, кто читал известную, переизданную уже пять раз историю. Спорили многие. Трудно было не увидеть в приключениях шести безымянных людей двойное дно, а вот разгадать, насколько оно глубоко...

— Хм.

Губы ла Ир растянулись в улыбке. Она пододвинулась ближе, наклонилась и заговорщицки прошептала:

— Я жуткая врунья. В своей рецензии я написала, что вижу здесь отсылку к неким... военным и политическим силам, появившимся столь же неожиданно в знаковый период истории. Но я так не думала. Алопогонные — не Тьма из Холодных Хором.

— Тогда почему вы это написали? Я тоже так подумал. И моя сестра. И...

Она пожалала плечами и села прямо. Казалось, она даже удивилась его глупости, что было как-то обидно. По крайней мере, она высоко вскинула тонкие брови, прежде чем пояснить:

— Чтобы заслужить репутацию умного и меткого критика, надо сначала научиться *угадывать*, что подумает большинство. Чтобы они чувствовали себя... умными, понимаешь? Подумавшими так же, как «в газете». А то, что кто-то просто украл еще не оформившуюся мысль... — она полезла в сумочку и выудила оттуда сигареты, — это ерунда. У нас чего только не воруют.

Ласкез невольно рассмеялся. Мирина Ир закурила. Когда она выдохнула первое облачко дыма, он все же уточнил:

— То есть суть вашей профессии — не давать свою оценку, а предугадывать чужую? Разве это не скучно?

Женщина снова подняла брови и покачала головой с некоторым самодовольством:

— У меня уже есть репутация. Я пишу то, что думаю. Я больше не ворую мысли, я их дарю. Вот так.

Он кивнул. Он не был уверен, что действительно понял ее, но идея звучала интересно. Мирина Ир сделала еще пару затяжек, а потом вернулась к теме:

— «Идущие домой» — тяжелая книга. Если бы она была об алопогонных, вряд ли бы она кончилась именно так. Исчезновением Тьмы. Обрушением зданий. Убийством Близнеца и Механика, арестом Замарашки...

Ласкез вздрогнул. Он вспомнил, что не давало ему покоя даже спустя несколько дней после того, как он закрыл книгу в темной обложке, на которой не было ничего, кроме приоткрытой двери. Он спросил:

— А как вы думаете, куда делись другие трое? Мечтатель, Страж, Поэтесса? Ведь повествование обрывается после описания того, как на острове осыпалась башня. Они... выбрались из-под обломков?

Ла Ир посмотрела ему в лицо. Ее глаза были пронзительно-карими, Ласкез отметил это еще в первый раз и поймал себя на мысли, что это редкий оттенок. Не характерный для киримо в целом, он чаще встречался у ками и лавиби. Похожий цвет глаз был у Джера, у Капрама Пагсли и...

— Я всегда верила, что они сбежали. И ло Аллисс говорил, что верит. И наш с тобой милый друг, Роним, тоже. Я обсуждала с ним эту книгу.

— Ему нравится? — с любопытством спросил Ласкез.

— Нет. Он чересчур умный. А история слишком запутанная.

— Но он любит детективы...

Она притушила окурок о край урны. Затем задумчиво оглядела его со всех сторон, выбросила и поднялась на ноги.

— Прелесть детектива заключается в том, что автор как правило заботлив, он почти всегда бросает читателю хлебные крошки. Как... в сказках. Идя по этим следам, читатель

находит развязку и искренне думает, что сделал это, потому что крошки обронили случайно. Иногда даже ругает предсказуемый финал, не совсем понимая, что суть книги не в финале, а в цепи событий, которые к нему привели, и вот их-то не предугадать, потому что они могут быть какими угодно. Хо' Аллисс же... — тут она издала легкий смешок. — О, мой друг... Хо' Аллисс — писатель злой, жадный. Он вовсе не дает подсказок, не бросает крошек. Невозможно понять, о чем «Идущие домой», если ты не был там. А там никто не был. Проводишь меня? Я боюсь, девочка перепугается...

Женщина взяла цветы. Ласкез кивнул, встал и потянул за поводок Бино. Они направились к крыльцу подъезда, и неожиданно ла Ир спросила:

— Кто твой любимый персонаж, Ласкез, в той книге?

Он ответил, почти не задумываясь:

— Страж. Он первым выступил против военных... чтобы защитить крылатых, когда их стали истреблять. И до этого он всегда всех защищал.

Она серьезно кивнула. Затем поднялась на пару ступенек и обернулась:

— А тебе или кому-нибудь из твоих знакомых нравится Поэтесса?

Ласкез почти сразу кивнул:

— Моему лучшему другу. Он любит дерзких женщин. А она ведь была очень смелая. Связная в деле, и...

Мирина Ир улыбнулась.

— Да. Она была дерзкой. Мне тоже она очень по душе.

По пути до своей лестничной клетки они почти не говорили.

* * *

Ронима не пришлось будить. Он, уже одетый и удивительно бодрый, был на кухне. Готовил что-то на завтрак, зажимая сигарету в углу рта. В приоткрытое окно пробивался холодный ветер.

— Благодарю, что вывел его. — Сыщик обернулся, наблюдая, как Бино деловито направляется к своей миске, где уже лежало немного свежего мяса и размоченного хлеба. Потом внимательно посмотрел Ласкезу в лицо. — Не слышал, как ты ушел.

Ласкез сел к небольшому столу.

— Ты спал как убитый. Думал, проспичь весь день.

— У меня... — Роним стряхнул пепел в банку из-под консервов, — нет такой привычки. Утром лучше соображается.

— Она тоже так сказала.

Серый детектив, приблизившись, поставил на стол кастрюльку с черножаром. Ласкез задумчиво взглянул на две шербатые чашки.

— Она?... — уточнил Роним.

— Ла Ир. Она там во дворе... работала. Обдумывала рецензию.

— Накрашенная и с цветами?

Ласкез, начавший разливать напиток, удивленно поднял глаза. Сыщик фыркнул и выразительно постучал себя согнутым пальцем по лбу:

— Дедукция, конечно...

Но почти сразу, отодвигая одну кружку, он пояснил менее весело:

— Ты же понимаешь, в Аджавелле не получится так хорошо жить, просто пописывая статейки и сдавая квартиру оборванцу вроде меня. У Мирины много поклонников. Всегда было. Как поклонники ее острого ума — те же писатели, так и...

— Я понял.

— Ты также должен понимать, что в Большом Мире это нормально.

Роним снова отошел к плите. Он снимал со сковороды и выкладывал на тарелку куски поджаренного хлеба с сыром. Наблюдая за ним, Ласкез просто ответил:

— Меня это не касается. Главное, чтобы на Тауру эти поклонники не обрушились.

Роним потушил сигарету, вернулся и, поставив тарелку с тостами, сел напротив. Он внимательно посмотрел Ласкезу в лицо.

— А может, было бы к лучшему?... Ла с поклонниками почти всегда могут надеяться на защиту.

— Она совсем ребенок, боится этого, — отрезал Ласкез. — Пусть, глядя на нее, ты мог подумать...

Он осекся. Вспомнил *ту* встречу на Позвоночном вокзале и кое-что еще, вздрогнул, быстро взял с тарелки хлеб. Но кусок не лез в горло, что-то мешало... Может быть, внимательный взгляд детектива. Ласкез вернул тост на место и, вздохнув, продолжил:

— Там, в Такатане... ею интересовался твой бывший Вышестоящий. Тавенгабар. Как оказалось, кстати, он... был алопогонным. И он снова с ними. Ты знал?

Роним, потянувшийся было к тарелке, замер. Выражение его лица стало настороженным и тревожным, но несколько не удивленным.

— Да.

— Сиш Тавенгабар, — Ласкез отпил из чашки, — друг отца моего друга. Того самого друга, с которым мы покинули Кров. Тавенгабар приезжал на Выпуск. И...

Он опять запнулся. Затем сделал усилие и с расстановкой произнес:

— Я знаю, что ло Паолино тоже был алопогонным. Отец моего друга был алопогонным. И этот кот. И... еще один человек, Грэгор Жераль. Я не могу быть уверен, но почему-то мне кажется, что ты и это имя знаешь.

Сыщик кивнул, но промолчал. Он не опускал головы, взгляд оставался таким же сосредоточенным и напряженным. Мог ли он... наброситься на него? Ласкез не знал, но гнал от себя эту мысль подальше. Он решил. Нужно было договорить.

— Я должен знать, Роним. За что управитель попал в тюрьму? Что-то связывает тебя с ним? Может, ты...

Роним протянул руку. Ладонь замерла, так и не коснувшись плеча Ласкеза: тот отпрянул к спинке стула. Он и сам не смог бы объяснить, что его так напугало, но...

— Что ж. — Сыщик убрал руку. — Ясно.

— Я...

— В первый вечер ты рассказал мне, сколько вас сбежало. Как вы сбежали. Зачем? — Роним достал из пачки новую сигарету. — Я могу без особого труда, отследив ту радиограмму, вычислить, где вы прятались и... чуть труднее, но это тоже возможно... где вас подстеречь. — Он зажал сигарету губами, не сводил с Ласкеза глаз. — И только теперь ты задумался о... доверии? Ты опоздал. Это могло стоить тебе жизни.

Ласкез сидел, откинувшись назад. Он сжал руки в кулаки, его била предательская дрожь.

— Роним.

— Тебе стоило думать раньше, — невнятно произнес детектив и чиркнул спичкой. Из-за

сигареты во рту мужчины интонацию определить не получалось, Ласкез напрягся еще больше.

— Послушай...

Он затаился.

— ...как и о том, что, будь я на *их* стороне, я уже придушил бы тебя, а девчонку сдал. Она выглядит слабенькой. Алопогонные бы с легкостью...

— Я...

На этот раз сыщик дал себя перебить.

— ...понимаю. Просто...

Роним зажал сигарету в пальцах. Подпер другой рукой щеку. И выжидающе поднял брови:

— Просто?...

От кончика сигареты вверх тянулась ниточка дыма. Она завивалась в ленивую рассеянную спираль, Ласкез сосредоточил взгляд на ней, это было легче, чем смотреть в голубые спокойные глаза человека, с которым приходилось вести сложный разговор. Но этот разговор был важен. Лучше было завершить его сейчас.

— Я хочу знать, — Ласкез постарался говорить твердо и сел прямо, по-ученически складывая руки на столе. — Что вообще означает «их сторона».

— Секреты. — Роним сделал еще одну затяжку. — Старые секреты.

— Какое отношение ты имеешь к этой «стороне»?

Сыщик тяжело вздохнул, отпил из чашки и произнес:

— Никакое. Я ненавижу алопогонных. Ненавижу всех, кроме одного.

Удивительно, как жестко и эмоционально Серый детектив произнес одно слово — «ненавижу». Остальные слова казались бесцветными. Ласкез закусил губу.

— Управителя?

— Да. Будешь... — угол тонкого рта слабо дрогнул, — допрашивать?

Ласкез серьезно кивнул.

— Давай.

— Откуда ты его знаешь?

— Он и его брат были детьми хозяина частной портовой компании в Галат-Доре. Мой отец служил охранником, сопровождал грузовой поезд. Матери не было, и он таскал меня с собой, вот мы и подружились с ребятами. А потом...

Кончик сигареты медленно тлел. Дым бежал вверх.

— Миалья отдали в Корпус. Он сдружился с этой мерзкой гадиной, с Грэгором Жералем, и нашел еще двух дружков, Тавенгабара и Лирисса. Они четверо стали лучшими на курсе, потом вошли в Алую Сотню — элиту подразделения. А я... — заметив, что пепла стало слишком много, Роним стряхнул его на стол, — был уже для него сероват, понимаешь? Не тот уровень. Нет, мы не поссорились, но наши дороги разошлись. В следующий раз мы столкнулись несколько юнтанов спустя.

Роним задумался. Он явно подбирал слова. Ласкез ждал продолжения, но, как ни странно, уже сейчас ему стало легче. Он даже взял кусок уже остывшего хлеба и начал жевать. Сыщик, заметив это, слабо улыбнулся, но тут же помрачнел.

— Было одно дело, где участвовало несколько военных отрядов. Думаю, тебе пока неважно знать, эта история осталась в прошлом. Так или иначе... Миаль допустил ошибку, двое из его четверки пострадали, хотя, на самом деле, с той бойни вообще мало кто выбрался

живым. Миаль ушел в отставку. А Тавенгабар...

— Это ведь... он пострадал? — уточнил Ласкез.

— Да. Я не в курсе, как, знаю, что серьезно. Когда он восстановился, то перешел во Второе подразделение, где поспокойнее, но, видимо... — Роним слабо усмехнулся, — недостаточно просто снять их мундир. Что-то всегда будет тянуть назад.

Роним замолчал. Затянулся в последний раз и потушил сигарету, а потом слегка подался вперед.

— Больше мне нечего рассказать, кроме одного, и это я уже говорил. Миаль важен для меня, я хотел бы выручить его. А также... — он все-таки тронул Ласкеза за плечо, — я сделаю все для его детей. Для тебя, твоей сестры и...

Они опять посмотрели друг другу в глаза.

— Благодарю.

— Я еще ничего не сделал.

— За другое.

Ему стало легче ровно на один полученный ответ, но это было уже немало. И он наконец почувствовал, что действительно проголодался за это утро.

* * *

Дул ветер — такой же, как в первый день. Ласкез ощущал его, хотя окно в машине было едва приоткрыто. По идее, ветер, соленый и порывистый, должен был напоминать те ветра, что дули близ Крова, но почему-то не напоминал. Возможно, потому, что был ледяным. Невероятно, но Роним его особо не замечал. Как и Бино, развалившийся на заднем сидении.

Ласкез впервые видел город в дневное время, поэтому приглядывался особенно внимательно, то и дело вертя головой. Изучал здания и улицы, становившиеся ближе к центру изящнее и необычнее, — не то что жилые районы, полные однотипных клеток. Город вырастал на глазах. А вот неба, отгороженного высокими крышами, становилось меньше.

Тут, казалось, и не жили вовсе: всюду лавки и конторы, банки и офисы, парковки и больницы. Центр был небольшим, его отделяла застроенная бежево-голубыми зданиями Осевая улица, на деле почему-то представлявшая из себя правильное кольцо. Красивые постройки с башенками тоже вряд ли были жилыми: слишком много здесь сновало строго одетых людей.

— Деловой город... — негромко произнес Ласкез. Роним усмехнулся.

Первым местом, куда они приехали, был ярд, где через большие окна можно было рассмотреть происходящее в кабинетах. Серопогонные все так же суетились, а еще на этот раз Ласкез отчетливо слышал отдаленные лай и вой, вызывавшие внутри неприятное чувство беспокойства. Роним сам указал на одно из зданий, низкое, продолговатое и единственное непрозрачное здесь.

— Серая псарня.

Едва машина остановилась на открытой парковке, Бино возбужденно сунул морду в окно. Роним удержал его за загривок.

— Не выпустишь?

— Убежит... — отозвался сыщик. — Знаешь, я использую его в работе, но никогда не буду держать среди служебных, хоть мне и предлагали.

— Почему?

— Звери прирученные, но не знающие одного хозяина, вырастают другими. Поэтому они так часто воют. А Бино...

Доги лизнул Ронима в руку и улегся обратно на сидение. Сыщик улыбнулся:

— Как видишь. Он нас подождет.

Они вышли из машины и миновали три ряда других — в большинстве своем таких же блеклых и старых, но Ласкез, до недавнего времени почти не видевший автомобилей, с интересом их разглядывал.

— Однажды я тоже заведу собаку, — мечтательно сказал он. — Может, хотя бы служебную...

Роним, прикуривая очередную сигарету, повернул голову:

— Служебную?... Я не спрашивал, но кем бы ты хотел стать, когда...

Он осекся. Ласкез мягко закончил за него, поправив:

— ...если все кончится.

Роним нахмурился.

— Поверь, обстоятельства не безысходны.

— Поэтому ты стал столько курить с момента, как о них услышал?

Они посмотрели друг на друга, и Ласкез усмехнулся. Слегка ускорил шаг, прежде всего радуясь тому, что сыщик, наверное, забыл про заданный вопрос. Роним почти сразу догнал его, зажал сигарету между пальцев, открыл рот, чтобы что-то сказать, но не успел.

— Какие люди! Так и знал! Ты собрался поселиться на работе и пацана поселить?

Капрам Пагсли скучал перед входом в ярд, вальяжно рассевшись на ступеньках. Он не обращал особого внимания на других серопогонных, сновавших вокруг, только морщился, если служебные животные — доги и лапитапы — тянули к нему морды. Ками поднялся, когда Роним и Ласкез подошли почти вплотную, и пожал обоим руки. Ладонь Ласкеза он коротко и болезненно сдавил, руку Ронима — задержал в своей довольно надолго и сощурился:

— Сигарета. А кто сказал «не больше трех в день»?

— Откуда ты знаешь, что это не первая и не вторая?

Роним интересовался без раздражения или замешательства. Губы даже дрогнули в усмешке. Пагсли слегка пожал широкими, обтянутыми кожаной курткой плечами:

— Я не из ушлых барсуков, ложь не секу, но нос у меня есть. И он подсказывает, что это уже даже не шестая. Завязывай, старина.

Роним не ответил. Судя по тому, что у него пропала улыбка с лица, он собрался заговорить о серьезном, но Пагсли шутливо подмигнул Ласкезу и сообщил:

— К тому же, может, ты не знаешь, парень, но в Большом мире мода на курево посложнее. Сигаретами балуются разве что непослушные детишки, студенты да самки. У уважающего себя самца должна быть трубка.

— Пагсли, — Роним вздохнул. — Хватит.

Но он опять улыбался, выдыхая дым уголком губ.

— Как дела?

Пагсли слегка присвистнул:

— Ты был тут недавно. Никак, ничего нового, самолеты к океану сегодня не летали, но и обратно не возвращались. Новостей нет, а Бёрта... — он неопределенно повел рукой себе за спину, — да, ждет, поэтому я и вышел, зная, что увижу твою физиономию. У нее, говорит,

завал, поднимись-ка сам. Ей есть что сказать по... дельцу. Пацана не бери, начальство тут.

Роним кинул на Ласкеза быстрый взгляд. Кивнул.

— Значит...

— Вряд ли. Сложно это, учитывая, что красных крыс набежало...

— Ладно. Подожди здесь.

Роним поднялся на крыльцо. Ласкез остался на месте, напряженно глядя на спину детектива. Тот не обернулся и вскоре прикрыл за собой дверь. Ками, стоя в прежней небрежной позе, — руки в карманы, ноги широко расставлены, — хмыкнул:

— Замерз?

— Терпимо, — поспешно отозвался Ласкез и закутался в шарф.

Пагсли кивнул. Вид у него был любопытствующий:

— Слышал, на ваших островах тепло. Наверное, здорово. Снег-то хоть выпадает?

— Случалось, но ненадолго. Там правда было здорово. И... — Ласкез твердо закончил: — Было и есть. Там — здорово.

Пагсли уловил его настроение. Цокнул языком, подергал сам себя за ухо и бросил, вроде бы не обращаясь напрямую:

— Знать бы, что там происходит, да?

— А вы не в курсе?

Ласкез задал вопрос, не особенно на что-либо рассчитывая. Конечно, ками только пожал плечами.

— В Малом мире диковато. И волки, и болота, и жара, и бури... все может быть. Вплоть до того, что этот туман оказался живым, да и сожрал... — Он хлопнул себя по лбу. — Извини. Зря я так. Нелегко тебе пришлось, да и Роним, он...

— Что? — невольно Ласкез подался вперед. Пагсли улыбнулся:

— Ему был по нраву этот ваш Кров. Он ведь хотел ну... выбраться к тебе. Совсем незадолго до... ну ты понял.

Он стал говорить тише и как будто скомканнее, спохватившись, что болтает лишнее. Но Ласкез все разобрал и почувствовал, что его сердце забилося чаще. Значит...

Пагсли следил за его лицом. Видно, что он был доволен. Ухмыльнулся, отчего сильнее обнажились торчащие бивни, и сказал все тем же тихим голосом:

— Знаешь, он достался мне уже таким.

— Кто?...

Пагсли досадливо скрестил на груди руки и склонил голову, подбирая слова.

— Да наш гений сыска. Нелюдимый он. Никого у него нет. Разве что псина эта да я. И где только всех друзей и самок растерял, и...

— Растерять друзей удивительно легко.

Ласкез произнес это, а перед его глазами предстали Джер и Тэсс. Он вдруг подумал, что в какой-то мере... даже здесь, при нынешних бедах, подражает Рониму. Оставил всех, кого любил. Не знал, как вернуться к ним. Постоянно за них боялся.

— Со мной такого не случалось, — категорично сообщил ками. — Мои друзья — как мой выводок. Даже те, кто старше меня.

Он гоготнул. Ласкез, обдумав его слова, кивнул.

— Значит, вам повезло.

Они помолчали. Потом Пагсли спросил:

— Документы-то есть у тебя? Успели вам их...

Ласкез покачал головой. Ками без особого удивления покивал:

— Так и думал. Я слышал, сироткам вечно зажимают син-карты, чтобы они не удрали до

Выпуска. В шестнадцать ведь уже хочется на свободу.

Ему тоже так казалось — совсем недавно. Сейчас он, пожалуй, многое бы отдал, чтобы отказаться от свободы.

— Мы с Ронимом озадачимся, — пообещал ками. — Знакомых у нас — вал, в регистрационной службе тоже. Устроим тебе... и сразу почувствуешь себя полноценным членом Син-Ан, да славится она...

— Благодарю.

Ласкез задумался. Хочет ли он быть «полноценным членом Син-Ан», если Син-Ан позволяет исчезать целым островам и держит в неволе целые континенты. Впрочем... чушь в духе книжных бунтарей и преступников. Конечно, хотел бы. И документы. И хотя бы относительную безопасность, и место в этом мире, и...

— Роним идет.

Ласкез обернулся. Детектив появился в дверях.

— Слышишь, пацан...

— Что?

Пагсли понизил голос. Сейчас он не улыбался.

— Ты что-то значишь для него. Его друзья — мои друзья. Но если с ним вдруг что-нибудь случится из-за тебя...

Звук, который он издал вместо того, чтобы договорить, напоминал низкое рычание из самой глубины мощной грудины. Маленькие глаза сузились, губы поджались; впрочем, стоило Ласкезу кивнуть, лицо Пагсли разгладилось. И все же... Ласкез сомневался, что сможет так просто забыть сказанное.

— Нам пора.

Роним поравнялся с напарником. Тот кивнул:

— Мне тоже. Еще не обедал... съезжу в блинную.

Капрам Пагсли проводил их до парковки, где сам вскочил на блестящий хромированный мотоцикл, завел его и огласил округу громким ревом мотора. Мужчина не стал тратить времени на прощания, ограничился взмахом руки и помчался прочь, вскоре скрывшись из виду. Роним открыл дверцу машины и, уже сев за руль, уточнил:

— Не обижал?

Ласкез покачал головой.

— Он славный, — заметил сыщик.

— Да, мне тоже так кажется. А что тебе сказала твоя знакомая?

Машина тронулась, Роним начал аккуратно выводить ее с парковочного места. Не поворачивая головы, сосредоточившись на том, чтобы не задеть чей-нибудь не в меру беспокойный живой транспорт, сыщик ответил:

— Нам... не стоит связываться с твоим другом. Сигнал, который передал он, не поддается сторонней дешифровке, так как послан на выделенной частоте. Мы такой послать не сможем, даже если используем рабочие частоты серопогонных. Всегда есть риск, что...

— Перехватят?

— Да.

Машина поехала быстрее. Роним посмотрел на Ласкеза, как тому показалось, виновато.

— Пусть свяжется с тобой сам. Подождем немного.

Он снова подумал о сестре. О Джере. О тревожной, ничего не объясняющей радиограмме. А потом о другом. «Но если с ним вдруг что-нибудь случится из-за тебя...»
— Хорошо, — сказал он, отворачиваясь к окну. — Куда едем?
Детектив, казалось, колебался. Наконец негромко произнес:
— Есть место, на которое стоит посмотреть... хотя вряд ли это поможет.

* * *

Башня не напоминала алые цитадели Акра Монтара. Здесь не было ни вычурных фронтонов, ни высокой крыши, ни хоть каких-нибудь резных украшений на фасаде. Более того, башня точно так же, как многие служебные здания вне центра и Осевой улицы, походила на клетку. Так же, как жилые многоэтажки, так же, как ярды. Что-то подсказывало Ласкезу, что алопогонные здесь чувствуют себя далеко не так уютно и вольготно, как их соратники в Такатане.

Окна были большими. Но рассмотреть, что происходит внутри, было нельзя: стекла оказались тонированными. Так, что алая башня напоминала огромную муху, которая тарашится десятками черных поблескивающих глаз.

Ласкез и Роним оставили машину в переулке и, подойдя к настезь распахнутым кованым воротам, остановились. Из служебной будки к ним высунул голову молодой ки с черной поблескивающей чешуей.

— Могу ли я вам помочь? Что-то ищете?

Ласкез вздрогнул, когда зеленые глаза уставились на него. Роним ответил совершенно спокойно:

— Благодарю. Полагаю, нет. Я... показываю моему другу виды города.

Охранник оживился, дружелюбно кивнул и быстро облизнул губы.

— О, можете подойти поближе. Или осмотреть холл. У нас часто бывают приезжие.

— Мы подумаем, — так же ровно отозвался сыщик. — Время есть.

Ки исчез. Ласкез сделал вдох. У него, видимо, не получилось скрыть облегчения, смешанного с удивлением, но говорить об этом вслух он не стал. Просто задрал голову, утыкаясь взглядом в два флага на шпиле странной клетки — ярко-красный и черный с символом Син-Ан — восемью стрелами. Оба флага развевались на ветру, но здесь даже ветер будто бы старался вести себя тише.

— Идем.

Пальцы детектива сжали плечо. Ласкез подчинился. Когда они зашагали вдоль стены назад, Роним одними губами шепнул:

— Не оборачивайся. Глаза тебя выдают.

Они вернулись в машину, но детектив не спешил трогаться с места. Заведя мотор, он сидел прямо, неподвижно, будто чего-то ждал. Наконец он посмотрел на Ласкеза, слегка наклонившись к нему.

— Успокоился?

— Я не...

Роним вынул очередную сигарету, но пока просто вертел ее в пальцах. Казалось, он думал. Наконец ровно произнес:

— Он здесь. Все еще здесь. Наверное, мы могли бы даже спросить прямо — у

дежурного. И получили бы ответ.

Ласкез вжался в спинку сидения. Не дожидаясь вопросов, сыщик объяснил:

— Они не держат ворота открытыми. Только когда ставят капканы. А в капканы они ловят... — он все-таки сунул сигарету в рот и полез за спичками, — на живца.

Роним приоткрыл окно и выдохнул дым, ладонью рассеял его остатки. Ласкез впервые почувствовал дурноту, а ведь он уже почти привык, что детектив курит.

— Они ждали тебя?... Нас?...

Роним вздохнул.

— Здесь, конечно, может быть и какой-то другой заключенный. У которого тоже есть... друзья, которых поджидают. Но об этом точно надо спрашивать.

— И они... ответят? — не поверил Ласкез.

Машина тронулась и вскоре выехала на дорогу. Начал накрапывать дождь.

— Да, — хмыкнув, Роним сделал еще затяжку и стряхнул пепел в окно. — Они же дружелюбны и удовлетворяют все прихоти граждан. Ответят. Только никакой гарантии, что не спросят, зачем тебе это. И что спросивший об этом не будет лавиби. А ложь — это уже повод к задержанию. Так или иначе...

— Осталось изобрести невероятный план? — с горечью уточнил Ласкез. И, понимая, что не будет заставлять сыщика врать, задал другой вопрос: — Куда теперь?

— Туда, где спокойно.

Серый детектив явно хотел подумать в тишине, а Ласкез решил не мешать. За окном посерело. Даже дома Осевой напоминали тучи, лишь кое-где сверкали одинокие освещенные окошки, реклама и вывески. Ласкез тоже попытался думать. О невероятном плане, об управителе, о Пагсли, но мысли путались. И он стал просто считать пятнышки света. Думая, что, может быть, в Такатане — или на борту Странника — их считает Тэсс.

* * *

Машина выехала к заливу, на высокий участок набережной. Здесь устроили парковку, по крайней мере, была разметка, но сама площадка пустовала. Места отчертили так, чтобы автомобили могли встать капотом к воде. Так Роним и сделал, пробравшись в дальний ряд. Здесь он опустил стекла.

Ветер усилился, стал еще более соленым и прохладным. Но то ли Ласкез постепенно привыкал, то ли машина была развернута так, что порывы ветра не попадали в салон. Открывшийся вид — на холодный и голый Небесный сад, на мутную линию его края, на пенящиеся волны и изгибающийся сбоку участок косы — не давал обращать внимание даже на особенно настойчивые дуновения.

По пути они купили себе трэм и *áцу* — что-то вроде местных бутербродов с рыбой, на белом лобесовом хлебе, которые подавались горячими, и внутри них ощущались сладкие кольца поджаренного лука. Бино, учуяв запах, немедленно просунул голову между передними сидениями, и Роним скормил ему сразу половину своего бутерброда.

— Так что?...

Голос детектива заставил Ласкеза, смотревшего вперед и выискивавшего в заливе хоть один корабль, повернуть голову.

— Что?

Роним тоже взглядывался вдаль. Он — впервые за время долгой прогулки — почти казался расслабленным и улыбался.

— Твое будущее. Что ты собирался делать после Выпуска? Думал об этом?...

Ласкез сделал маленький глоток из стакана.

Трэм уже не обжигал горло, но был приятно теплым.

— Что я собирался делать? Найти тебя.

— А дальше?

Он уставился на свои колени. Потом снова на воду.

— Дальше пристроить Тэсси. Она Зодчий. Она заслуживает чего-то очень хорошего.

— Зодчий, — задумчиво повторил Роним. — Вот как... ты не говорил.

— Это открылось после того, как вы улетели. И... в общем, она может стать хорошим инженером-конструктором. Сама собрала беспилотник. Она...

— А ты? — перебил сыщик. Ласкез хмыкнул:

— А я обычный. И я хотел бы стать...

Он глубоко вздохнул. Бино ткнулся носом ему в плечо, и он не глядя протянул доги остатки ацу. Тот начал громко жевать; как ни странно, лязганье мощных челюстей над ухом немного успокаивало. Ласкез мысленно махнул рукой на все, в чем сомневался эти несколько дней, и закончил:

— ...как ты. Пойти в Серый Корпус. Конечно, без всякой помощи... я сам поступлю, я занимаюсь для этого... Сам как-нибудь добуду документы и... вот.

Он замолчал. Заставил себя улыбнуться и небрежно прибавил:

— Понимаю, глупость.

Ласкез повернул голову. Роним смотрел оценивающе и задумчиво. Наконец на его лице тоже появилась слабая улыбка.

— Глупо звучит только идея с документами. Это не так просто. Но с этим мы разберемся.

— Отец моего друга вроде бы задействовал свои знакомства, я даже оставил *след*, мы должны были встретиться, и тогда я бы получил их, но теперь...

Я вообще не знаю, что с нами будет. Но озвучивать это лишний раз не хотелось.

— ...теперь, думаю, ему не до того.

Роним все еще улыбался:

— Не торопись. И даже если ты прав... мне «до того». И Пагсли. Хотя он тебя едва знает. Ты не пропадешь.

Больше он ничего не сказал. Даже не закурил, просто отвернулся к воде. Его лицо по-прежнему было спокойным, кажется, он выбросил из головы лишние мысли или спрятал их достаточно глубоко. Пальцы рассеянно теребили шерсть на массивном лбу Бино, тянущего морду вперед.

— Знаешь, я не выбирался сюда уже несколько юнтанов.

За окнами продолжал идти дождь. Впереди шумел океан. На краю неба вдруг появился маленький силуэт корабля с белыми — не алыми — парусами. Ласкез подумал, что смог бы полюбить этот город. Когда-нибудь. *Если...*

...Если все закончится.

8. Кто-то другой

— Знаешь, почему они тренируются вечером?

— Ты хотел сказать... утром?

Тэсс уточнила это, ощущая себя довольно глупо, — навзничь лежа на песке. Новообретенный наставник, довольно скалясь, возвышался над ней. Его нога мягко, но настойчиво упиралась ей в грудь и не давала встать.

— Да. Для них — на исходе дня. Это заставляет их собирать всю волю. Валишься с ног — а все равно обязан еще потренироваться.

— Да... — Тэсс тщетно попыталась хотя бы шевельнуться. — Они выглядят... довольно бодрыми, когда я вижу их на берегу.

— Значит, и в критический момент, что бы с ними ни происходило, они сумеют превозмочь себя. Прежде всего стоит научиться превозмогать, если хочешь стать воином. Вставай.

Варджин протянул Тэсс руку и, когда она поднялась, начал деловито отряхивать ее от песка. Увернувшись от очередного прикосновения, она сердито фыркнула:

— Нечего меня лапать.

Слова она сопроводила захватом, в котором почти смогла вывернуть Джину запястье. «Почти», потому что, едва он заметил эту попытку, с его стороны последовала быстрая аккуратная подсечка. Тэсс снова оказалась на песке, но на этот раз увернулась и вскочила, прежде чем он мог бы ее придавить.

Варджин улыбнулся, склонив голову к плечу:

— Неплохо. С реакцией уже лучше. Ты проиграла только потому, что тебе не хватает выносливости.

Тэсс, которая снова отряхивалась, особенно стараясь очистить от песка волосы, сухо кивнула. На самом деле слышать это было приятно, как и вообще осознавать, что она способна хоть чему-то научиться.

Варджин тренировал ее несколько дней, и то, как он это делал, совсем не напоминало его вполне сдержанное, по-своему галантное общение в обычное время. Конечно, он еще ни разу не попытался разбить Тэсс голову, не нанес серьезных повреждений и даже не особенно резко высказывался по поводу ее нетренированности... но он и не церемонился так, как она ожидала. Когда, выйдя на исчерченный чужими следами берег, они вставали друг против друга, Джин забывал о том, что противник — девочка. Можно было точно сказать: он не дает поблажек. По-своему Тэсс это ценила. Хотя...

— А ты не мог бы не наступать на меня, когда я падаю? — осторожно спросила она, снова подойдя ближе.

Варджин хмыкнул:

— Как тогда ты осознаешь ужас своего поражения? Ужас тоже лежит в основе боя. Что бы ни говорили.

— Ужас? Мне казалось, воинов учат быть бесстрашными.

Джин пошел к воде. Опустился на корточки и вытянул руки, чтобы волны их коснулись. Тэсс тоже приблизилась, и он, подняв голову и глядя ей прямо в лицо, ровно произнес:

— Нельзя стать бесстрашным, не познав страха, который полностью сожрет тебя изнутри. Только после этого поймешь, зачем нужно бесстрашие и как оно работает.

Впрочем... — он улыбнулся, — судя по всему, ты это уже пережила и поняла. Ты молодец.

Тэсс смутилась. Она понятия не имела, как отреагировать, но Варджин избавил ее от такой необходимости: он дернул рукой и обрызгал ее. Тэсс возмущенно пнула его в бок, после чего опустилась рядом.

На горизонте виднелось несколько рыбацких судов. Такары носились в небе, изредка ныряя и тут же взмывая снова. Такатанское утро уже окончательно стало для Тэсс любимым временем суток. Периодом самого легкого дыхания и самых спокойных мыслей.

— Через два дня Джеру шестнадцать. После этого он вряд ли захочет сидеть на месте, — произнес Джин, не отводя взгляда от воды. Тэсс осторожно уточнила:

— А что в действительности меняется у... таких, как вы... когда вы достигаете этой отметки?

Он зачерпнул воду и стал переливать ее из одной ладони в другую.

— Алопогонный, который захочет нас убить, должен будет доказать право на это... либо вспороть себе плотку, если сделает это безосновательно.

— Удобно.

— Не особо, учитывая, что, когда ты мертв, тебе уже плевать, — Варджин пожал плечами. — Вообще им положено убивать себя за любое убийство без оснований... но каким-то образом их дружки почти всегда выкапывают эти основания. Публичные самоубийства алопогонных редки даже в этом городе, где они кишмя кишат. Они... хорошо прикрывают друг друга. Их связи очень крепки.

— Тогда в чем еще ваши привилегии?

— Задавать вопросы. Алопогонные — кроме то-син, «Высших из Высших» вроде членов Сотни, — обязаны отвечать нам. Все курсанты, младшие офицеры, средние офицеры. На вопросы лично моего отца, как и любого тогура, обязаны также отвечать и Вышестоящие, и то-син тоже.

— Вроде... Грэгора Жераля?

Тэсс произнесла это имя с усилием. Оно все еще пугало. Джин кивнул, но тут же хмыкнул:

— Они давние друзья. Так что, думаю, у них свое мерило власти друг над другом. Как у любых друзей.

Он развел ладони, и вода пролилась вниз. Тэсс стала омыwać руки, старательно выковыривая песок из-под ногтей.

— Мы... не сможем победить. Ты тоже так думаешь? — не поднимая головы, спросила она.

Это не давало ей покоя. Как и то, что Странник все еще спокойно стоит в бухте, веря ее неосторожному обещанию. Или... своему новому капитану?

— Смотри что ты понимаешь под победой. Цель должна быть достижимой.

— Чтобы доктор была на свободе. И управитель. И еще понять, что случилось у меня... дома. — На последних словах она почувствовала пыливый острый взгляд и развернулась. — Что?

— «Дома» — это в приюте, где ты росла?

— Да, — Тэсс произнесла это без колебаний и добавила: — Что бы ни происходило... пока это мой единственный настоящий дом.

— Ты бы хотела туда вернуться?

Тэсс ответила так честно, как только могла:

— Да. Чтобы уйти оттуда, оставив всех живыми и здоровыми. Не так, как я ушла. Или хотя бы понимая, что...

Она осеклась. Под водой Джин поймал ее руку и задержал в своей. Слабо улыбнулся, отстранился и начал стряхивать брызги:

— Что ж. Звучит более-менее реально. — Он поднялся. — Пойду навещу братца на вашей махине. Вам, кажется, пора ужинать... то есть завтракать.

Тэсс кивнула, тоже вставая. Она была рада пока не говорить больше о том, что вызывало бесконтрольную свербящую тревогу. К тому же ей — все еще грязной от песка, взмокшей и наверняка очень лохматой — хотелось привести себя в порядок, прежде чем показываться кому-либо на глаза. Джин, видимо, догадавшись о ее мыслях по тому, как она опять стала отряхиваться, неожиданно подмигнул и вильнул хвостом:

— Кстати, не переживай. Нет ничего лучше запаха усталой, но очаровательной самки. При всей моей нелюбви к этому слову.

— Дурак!

Тэсс бросила в него комок водорослей. Но он уже в своей ящеричной манере отскочил на десяток шагов и помахал рукой. Какое-то время Тэсс прожигала взглядом его широкую спину, но, поняв, что отомстить Джину сейчас не получится, развернулась и пошла к норам.

* * *

Оба — и отец, и сын — завтракали, как показалось Тэсс, в подавленном настроении. Если в случае с Джером это уже стало привычным, то товур Лирисс днем ранее явно был бодрее. Сегодня он мало разговаривал, а его взгляд довольно часто застывал на каком-нибудь одном предмете, в движениях появилось что-то нервное. Впрочем, не стоило забывать, что, в то время как Тэсс спала и тренировалась, лавибби занимался своими непосредственными обязанностями. А вряд ли быть одним из главных в таком огромном городе, как Такатан, было легко.

— Никаких новостей от твоих алопогонных приятелей? — спросил Джер напряженным голосом, отодвинув тарелку. Ло Лирисс внимательно посмотрел на него и, хотя на мгновение уголки его губ дрогнули, ровно ответил:

— Ничего, что могло бы тебя заинтересовать.

— Ты мог бы...

— Я пока, — в голосе явственно зазвучали металлические нотки, — не знаю, кому и какие вопросы задавать. Вне всякого сомнения, я их задам, но не сейчас, Джергиур.

Они прожигали друг друга взглядами в течение некоторого времени, после чего Джер поднялся.

— Благодарю за компанию. Доброй вахты, отец.

Когда он вышел прочь, товур тяжело вздохнул и принялся тереть виски. Его глаза были крепко зажмурены, а подпалин на благородном лице будто бы стало больше. Тэсс наблюдала за ним молча, сочувствующе. Ло Лирисс глянул на нее и грустно улыбнулся.

— Прости, милая ле. Последние дни выдаются сложнее, чем я мог надеяться.

— Да, пожалуй...

— Скучаешь по семье?

Она закусила губу.

— У меня же только брат.

— Они все, как мне казалось, были тебе семьей.

— Может быть.

— Знаешь, один мой друг тоже работает... воспитателем или вроде того, на одном из тамошних ваших островов, и...

Под его выжидающим взглядом Тэсс молча допила воду из чашки и поднялась:

— Думаю, он хороший человек. Как и вы. Наш был... хорошим не во всем, у него оказалось двойное дно.

Она не знала, учуял ли он запах ее лжи, и поспешила, пожелав доброй вахты, покинуть нору.

* * *

— Эй, куда ты?

Джер быстро шагал по побережью в сторону города и даже не обернулся. Только когда Тэсс поравнялась с ним, он лениво на нее покосился.

— Что надо?

— Куда ты?

Он оскалился. Тэсс не повела и ухом. За последние дни она слишком часто видела, как, атакуя, скалится Варджин, и подобное выражение лица перестало ее пугать. Джер, видимо, почуяв это, уже более мирно пожал плечами.

— Гуляю. Дышу. Что-то не так?

— Зачем ты идешь в сторону башен?

Он прищурился. Оценивающе склонил голову и, пожав плечами, опять зашагал вперед.

— Даже если и так. Тебе-то что?

— Хочешь... поймать Еву? — спросила Тэсс, не двигаясь с места и глядя Джеру в спину. Тот обернулся без особого удивления и невыразительно кивнул.

— Хочу. Выпотрошу мерзавку.

— Подставишь отца?

Джер скривился. Сердито взрыхлил носком тяжелого вольда песок. Тэсс ждала, и наконец он ответил:

— Да ладно... просто хочу проверить, не рехнулся ли я. Не буду даже подходить. Просто понюхаю.

— Я иду с тобой.

— Что?!

Она приняла решение, не задумываясь, и сердитый рык Джера стал для нее неожиданностью. И все же, переступив с ноги на ногу, Тэсс сообщила:

— Это не обсуждается. Мне... — она вспомнила кое-что и усмехнулась, — тоже дорог покой моего брата. И доктора. Один ты не пойдешь.

— Самка... — процедив это сквозь зубы, Джер сунул руки в карманы и двинулся вперед. Тэсс сначала отправилась обратно и, оказавшись чуть ближе к своему окну, задрала голову.

— Ма-арч!

Рокот моторчика возвестил, что самолет летит к хозяйке. Когда Тэсс снова поравнялась с Джером, тот возмутился:

— Вот насчет него мы не договаривались. Заведи уже ему поводок.

Тэсс не удостоила его ответом, и дальше они пошли молча.

Волны облизывали песок. Кричали такары. Слабый ветер обдувал лицо, и, если бы не конечная цель, прогулка могла бы быть вполне приятной. Даже боль в мышцах после тренировки не мешала. Тэсс стала думать о следующей встрече с Варджином и поймала себя на мысли, что, пожалуй, ждет ее.

— Твой брат поднимался на борт Странника? — спросила она, просто потому что молчать так долго было глупо.

Джер кивнул. Он шел, чуть ссутулившись и сунув руки в карманы. Юноша о чем-то хмуро размышлял, но, видимо, вопрос дал мыслям новое направление: он выпрямился и внимательно посмотрел Тэсс прямо в глаза. Она уже знала это выражение лица, неизменно предшествующее чему-нибудь крайне неприятному. Стоило быть готовой ко всему.

— У моего брата есть мозги. И он мне нравится.

— Мне...

Она осеклась. Но слово «тоже» вряд ли можно было не угадать. Джер осклабился, потянул носом и сказал:

— Ты проводишь с ним много времени. Надеюсь, не сломаешь ему жизнь, как ты умеешь.

Тэсс сделала медленный глубокий вдох. Определенно, она добилась многого: у нее даже не застучало в висках. Зато в груди заклокотало привычное раздражение. Она облизнула губы:

— Кому и что я сломала? Не тебе ли, барсучонок, нашедший семью?

— Ты будешь вечно этим меня попрекать? Завидуешь, что ли? — спросил он уже более сдержанным тоном, не скалясь. Это о многом говорило. И Тэсс вежливо, прохладно уточнила:

— А ты вечно будешь попрекать меня тем, что я не победила две-три дюжины взрослых алопогонных с оружием? Интересно, что бы смог ты.

— Я вовсе не...

— Что касается Евы, — непреклонно перебила Тэсс, — это было целиком и полностью решение доктора. И если я еще раз услышу...

Джер попытался схватить ее за ворот. Она перехватила руку и отвела ее в сторону. Щурясь, закончила:

— ...то ла Довэ непременно узнает, как ты вел себя в ее отсутствие. Или ты решил, что она умерла и ей плевать?

Джер сильно побледнел, чему, скорее всего, способствовали последние слова. Дальше они опять пошли молча.

Тэсс, в основном, наблюдала за самолетом, кружившим над водой.

Марч определенно пытался повторять траектории полета такар, то резко взмывая, то почти камнем падая вниз. Раньше — на острове — он так не летал, фигуры, на которые он был способен, были проще и скучнее. Тогда он действительно являлся тем, чем его и сделали, — игрушкой. Сейчас... казалось, он постепенно превращается в птицу. Пожалуй, стоило спросить у Варджина, что это значит. Скорее всего, он знал какой-нибудь ответ. Но тут Тэсс одернула себя: слишком уж часто она думает об этом типе. Больше, чем он заслуживал.

— Знаешь, знак на ее лбу — нарисованный, — медленно произнесла Тэсс.

Джер безошибочно догадался, о чем речь.

— Чушь.

— Я была с ней, когда ее ранили. На моих пальцах осталось что-то красное.

— Когда людей ранят, бывает красное. Называется кровью.

— Я думаю...

Джер посмотрел на часы и перебил:

— Если мы хотим успеть, шевелись.

Они прибавили шагу. Тэсс настойчиво продолжила:

— Это не была кровь, Джер. И ты веришь. Ты помнишь, как... — она запнулась, —

Странник называл ее?

Джер молчал. Он пошел быстрее, поступь стала тяжелее. Его следы напоминали ямы.

— Чара, — произнесла Тэсс. Он обернулся с желчной кривой усмешкой:

— Даже если и так. Тебе не плевать?

— А вдруг это объясняет, почему ее забрали? Вдруг Зодчий Странника и она... связаны?

Джер кивнул и быстро отвернулся.

— Это разве что слепой не заметил. Поздравляю с открытием, самка.

[Купить полную версию книги](#)